„РОДНАЯ РѢЧЬ“

№ 89.

[E101
C 248

С. Г. Сватиковъ.

Изъ эпохи реакціи.

(1880—1895).

Цѣна 10 коп.

Изданіе Т-ва „Родная Рѣчь“
Москва
1917.

„Родная Рѣчь“

1. Л. Толстой, Три смерти — Чѣмъ люди живы . . . . 6 к.
2. И. Тургеневъ, Бѣжинъ лугъ — Бирюкъ . . . . . 6 к.
3. В. Короленко, Чудная — Пріемышъ — Огоньки . . 6 к.
4. Г. Успенскій, Неизлѣчимый . . . . . 8 к.
5. А. Чеховъ, Унтеръ Пришибеевъ и др. разсказы . . . 6 к.
7. И. Бѣлоконскій, Деревенская конспирація — „На второмъ путѣ“ — „Подлый, хитрый народъ“ . . . . . 6 к.
8. М. Горькій, Проходимецъ — Легенда о Марко . . . . 6 к.
9. С. Мечъ, Германія . . . . . 8 к.
10. Скиталецъ, Полевой судъ . . . . . 3 к.
11. И. Тургеневъ, Муму — Деревня . . . . . 6 к.
12. С. Князьковъ, 19-ое Февраля 1861 года . . . . . 6 к.
13. М. Арцыбашевъ, Кровавое пятно . . . . . 6 к.
14. А. Орловскій, Освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи . . 6 к.
15. М. Горькій, Пѣсня о Соколѣ — Пѣсня о Буревѣстникѣ 3 к.
16. А. Заринъ, День за днемъ . . . . . 6 к.
17. И. Бѣлоконскій, Случайно не разстрѣлянный — По рубрикамъ — Первая „бомба“ . . . . . 6 к.
18. В. Ключевскій, Петръ Великій среди своихъ сотрудниковъ . . . . . 8 к.
19. С. Знаменскій, Основныя задачи въ области образованія . . . . . 6 к.
20. М. Кабановъ, Англійская политика „равновѣсія“ . . . 6 к.
21. В. Короленко, Лѣсъ шумитъ . . . . . 6 к.
22. А. Шингаревъ, Земская и городская Россія . . . . . 6 к.
23. А. Купринъ, Дознаніе — Бредъ . . . . . 6 к.
24. Ф. Артемьевъ, Въ царствѣ стали . . . . . 6 к.
25. И. Крыловъ, Сорокъ басенъ . . . . . 6 к.
26. Е. Угени, Англичане въ Индіи . . . . . 6 к.
27. И. Бѣлоконскій, Страшное мѣсто — Страховка — Властители . . . . . 6 к.
28. С. Елпатьевскій, Ницца.—П. Рыссъ, Парижскіе силуэты 8 к.
29. С. Подьячевъ, Разладъ . . . . . 8 к.
30. И. Никитинъ, Избранныя стихотворенія . . . . . 8 к.
31. Э. Льенъ, Очерки французской культуры . . . . . 8 к.
32. М. Горькій, Емельянъ Пиляй—Дѣло съ застежками . . — „Выводъ“ . . . . . 6 к.
33. С. Князьковъ, Голодъ въ древней Россіи. . . . . 6 к.
34. В. Вересаевъ, Въ сухомъ туманѣ — Къ спѣху — Объ одномъ городѣ . . . . . 6 к.
35. М. Кабановъ, Германская интеллигенція и война. . . 6 к.
36. А. Кизеветтеръ, Протопопъ Аввакумъ . . . . . 6 к.
37. И. Бунинъ, Черноземъ . . . . . 3 к.
38. Е Угени, Объ англичанахъ. . . . . 8 к.
39. В. Ключевскій, Значеніе Преподобнаго Сергія для русскаго народа и государства . . . . . 3 к.
40. И. Тургеневъ, Ася . . . . . 8 к.
41. А. Орловскій, Реформа городского управленія въ Пруссіи . . . . . 6 к.
42. В. Дмитріева, Непримиримые . . . . . 8 к.
43. И. Ястро, Богатство Англіи и его источники. . . . . 6 к.
44. А. Чеховъ, Дочь Альбіона и др. разсказы. . . . . 6 к.
45. С. Ефремовъ, Изъ общественной жизни на Украинѣ . 8 к.
46. Г. Успенскій, Будка . . . . . 6 к.

П
К. 1984
ГЕ101
С 248
Библиотека
Института Ленина
при ЦК РКП (б)
1176 126953
25

С. Г. Сватиковъ.

Изъ эпохи реакціи.
(1880—1895).

I.

Проектъ Валуева. Взрывъ 5-го февраля 1880 г. и заявленіе „Народной воли". Диктатура графа Лорисъ-Меликова. Проекты— созыва Земскаго Собора; — усиленія государственнаго совѣта выборными членами; проектъ „Земскаго Союза". Государственная Дума и Союзная Дума Проектъ единой палаты и проектъ созыва учредительнаго собранія. Записка 25 „именитыхъ гражданъ".

Перваго января 1880 года предсѣдателемъ комитета министровъ былъ назначенъ статсъ-секретарь П. А. Валуевъ. Онъ находилъ, что, въ виду приближающагося двадцатипятилѣтняго юбилея императора Александра II, правительственная мѣра, которая расширила бы общественное участіе въ дѣлахъ государственныхъ, благопріятно повліяла бы на русское общество и содѣйствовала бы успокоенію умовъ, возбужденныхъ до крайности безуспѣшностью усилій правительства къ обузданію крамолы. Мысль эту онъ изложилъ государю, напомнивъ Его Величеству о предположенномъ еще въ 1863 году созваніи общегосударственнаго земскаго собранія. Въ томъ же смыслѣ вліялъ на Августѣйшаго брата и великій князь Константинъ Николаевичъ, ссы-

лаясь на записку о томъ же предметѣ, составленную имъ въ 1865 году *).

Императоръ Александръ II важный вопросъ этотъ отдалъ на обсужденіе Особаго Совѣщанія, къ участію въ которомъ привлекъ цесаревича, великаго князя Константина Николаевича, статсъ-секретарей Валуева и кн. Урусова, министра внутреннихъ дѣлъ Макова и шефа жандармовъ Дрентельна. Въ концѣ января совѣщаніе собиралось 4 раза; первое засѣданіе происходило у государя, второе и третье — у ген.-адмирала, четвертое и послѣднее, къ которому былъ приглашенъ и министръ императорскаго двора графъ Адлербергъ, снова въ царскомъ кабинетѣ Зимняго дворца..

Предложенія свои отстаивали Валуевъ и великій князь Константинъ Николаевичъ; первый доказывалъ необходимость для правительства положить конецъ пассивности благонамѣреннаго большинства населенія и создать трибуну, съ которой оно могло бы высказывать свои взгляды и тѣмъ противодѣйствовать проповѣдуемымъ ежедневно и повсюду революціоннымъ началамъ; второй ссылался на древне-русское государственное право, на вѣче, на боярскую думу, земскіе соборы до-

*) Предложенія великаго князя Константина Николаевича состояли, въ общемъ, въ слѣдующемъ: число выборныхъ отъ губернскихъ земскихъ собраній и думъ въ „совѣщательное собраніе гласныхъ“ должно было равняться сорока шести (46). „Совѣщательное собраніе“ дѣлилось на отдѣленія и созывалось не сразу, а „по мѣрѣ надобности“, на такой срокъ и для разсмотрѣнія такихъ дѣлъ, какъ это точно будетъ указано каждый разъ правительствомъ. Государственный совѣтъ долженъ передавать въ „совѣщательное собраніе“ для предварительнаго разсмотрѣнія преимущественно тѣ дѣла, которыя „требовали ближайшаго соображенія съ мѣстными потребностями“. Къ окончательному разрѣшенію дѣла въ совѣтѣ допускался лишь *одинъ* „гласный“, а именно тотъ, который докладывалъ дѣло въ „совѣщательномъ собраніи“. Проектъ этотъ былъ гораздо умѣреннѣе проекта Валуева (1863): такъ, напримѣръ, вмѣсто 180 — 200 „гласныхъ“ предлагалось лишь 46, то же можно сказать о допущеніи лишь одного „гласнаго“ и т п

петровскаго періода русской исторіи, а также на перенесенныя въ Сводъ законовъ постановленія о вызовѣ депутатовъ »на случай« и т. п. Убѣжденно высказался противъ нововведеній, противныхъ духу коренного государственнаго строя Россіи, цесаревичъ Александръ Александровичъ, находя, что созывъ представительнаго собранія ни въ какомъ случаѣ не поведетъ къ желанной цѣли и вмѣсто того, чтобы вызвать успокоеніе, еще болѣе взволнуетъ умы. Съ мнѣніемъ наслѣдника согласились прочіе члены Совѣщанія. Въ виду приведенныхъ ими вѣскихъ доводовъ, государь рѣшилъ все дѣло оставить безъ послѣдствій.

Однако, вскорѣ послѣ отрицательнаго вопроса о представительствѣ, чрезвычайныя событія вновь поставили его на очередь. 5-го февраля 1880 г. въ Зимнемъ дворцѣ произошелъ взрывъ динамита, заложеннаго въ подвальномъ помѣщеніи, подъ помѣщеніемъ караульныхъ солдатъ, надъ которымъ находилась столовая. Случайное опозданіе на полчаса спасло жизнь государя, но находившіеся въ караульномъ помѣщеніи солдаты были въ значительномъ количествѣ убиты и изранены. Это событіе, особенно если его сопоставить съ покушеніями взорвать въ разныхъ мѣстахъ желѣзную дорогу на пути слѣдованія императора (осенью 1879 года), ясно показало безсиліе власти подавить дѣятельность крайней партіи, направленную противъ безопасности и жизни монарха. Это событіе произошло, несмотря на чрезвычайныя мѣры охраны, на учрежденіе во многихъ мѣстностяхъ генералъ-губернаторствъ съ самыми широкими полномочіями, данными администраціи, несмотря на то, что администрація примѣняла всѣ мѣры суровой репрессіи въ самомъ неограниченномъ количествѣ. Партія »Народной Воли«, осуществившая покушеніе 5-го февраля, заявляла въ прокламаціи вскорѣ послѣ этого событія о своей рѣшимости продолжать свою дѣятельность противъ пред-

ставителей власти до тѣхъ поръ, пока верховная власть не предоставитъ общественное переустройство во власть всенароднаго собранія представителей съ учредительнымъ правомъ, согласно инструкціямъ отъ избирателей. Событіе 5-го февраля, толкая правительство на путь усиленія борьбы съ крамолой, заставляло, однако, невольно задуматься надъ общимъ положеніемъ страны.

Послѣ взрыва 5-го февраля 1879 г. въ Зимнемъ дворцѣ учреждена была Верховная Распорядительная Комиссія, во главѣ которой поставленъ былъ бывшій харьковскій генералъ-губернаторъ графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ съ неограниченными полномочіями. Лорисъ-Меликовъ, наряду съ энергичной борьбой съ революціонерами, предлагалъ также постепенное возвращеніе къ законному порядку, возобновленіе преобразовательной дѣятельности и допущеніе общества къ предварительной разработкѣ законопроектовъ. Такъ въ докладѣ своемъ, въ началѣ апрѣля 1880 г., говоря о недовольствѣ, существующемъ въ обществѣ, благодаря распущенному порядку разныхъ вѣдомствъ, чрезмѣрному отягощенію бюджета, недостаткамъ духовенства и учебнаго вѣдомства, онъ указывалъ на то, что въ обществѣ выражаются желанія учрежденія народнаго представительства либо въ формахъ, заимствованныхъ съ Запада, либо на началахъ древне-русскихъ, либо призывомъ представителей земства въ составъ государственнаго совѣта.

Лорисъ-Меликовъ находилъ преобразованія въ вышесказанномъ смыслѣ несвоевременными и вредными.

»Народъ, — говорилъ онъ, — о нихъ [представительныхъ учрежденіяхъ] не думаетъ и не понялъ бы ихъ. Образованные слои, изъ которыхъ, въ томъ или другомъ видѣ, явились бы представители, находятся нынѣ въ положеніи неудовлетворенности. Всѣ жалобы, всѣ сѣтованія, всѣ разнообразныя желанія принесены

были бы съ собой представителями и предъявлены правительству вмѣстѣ съ критикой на всѣ его дѣйствія въ такія минуты, когда оно не въ состояніи опровергнуть критику указаніемъ на бережливость въ издержкахъ, на внутреннее благоустройство и относительный порядокъ въ разныхъ частяхъ управленія. Самая мѣра имѣла бы видъ, вынужденный обстоятельствами, и такъ была бы понята и внутри государства, и за границею. Я совершенно убѣжденъ, что если бы подобная мѣра входила даже, въ той или другой формѣ, въ великодушныя предначертанія Ваши, то нынѣ она была бы несвоевременна и вредна.«

Тѣмъ не менѣе Лорисъ-Меликовъ признавалъ нужнымъ »благорасположенное участіе къ нуждамъ духовенства, къ заявленіямъ дворянства, къ дѣятельности земства и потребностямъ городовъ. Слѣдуетъ дать ходъ такимъ предположеніямъ, кои давно уже намѣчены Высочайшей волей и осуществленіе коихъ останавливается въ канцеляріяхъ и всякаго рода комиссіяхъ. Полезно было бы привлекать и дворянство, и земство, и города къ участію въ такихъ вопросахъ, которые близко касаются ихъ мѣстныхъ нуждъ.«

Таковы были истинныя намѣренія и взгляды по вопросу о представительствѣ того государственнаго дѣятеля, чье назначеніе было встрѣчено большими надеждами и ожиданіями въ русскомъ обществѣ.

Причина ожиданій, возлагавшихся на Лорисъ-Меликова, заключалась въ томъ, что въ качествѣ временнаго харьковскаго генералъ-губернатора (апр. 1879 — февр. 1880) надъ 6 губерніями, онъ одинъ дѣйствовалъ въ смыслѣ сохраненія обычнаго законнаго порядка, умиротворенія общества и укрѣпленія связи его съ правительствомъ на почвѣ взаимнаго содѣйствія. Вступивъ въ новую должность съ правами диктатора, Лорисъ-Меликовъ заявилъ, что въ *поддержкѣ общества* онъ видитъ »*главную силу*, могущую содѣйствовать

власти въ возобновленіи правильнаго теченія государственной жизни.« Время преимущественнаго значенія Лорисъ-Меликова получило названіе »диктатуры сердца«, вслѣдствіе того, что общество получило нѣкоторыя облегченія положенія, создавшагося въ 1879 г., благодаря террористическимъ актамъ сверху и снизу.

Конституціонныхъ проектовъ, около которыхъ группировались и за которые агитировали либералы въ эту эпоху, было нѣсколько. Во-первыхъ, это былъ проектъ созыва земскаго собора, желаніе реставрировать это безформенное, архаическое и отчасти случайное учрежденіе XVI—XVII вѣковъ.

Соборъ долженъ былъ выразить »мнѣніе« страны по формулѣ, высказанной И. Аксаковымъ: »Самоуправляющаяся мѣстно земля съ самодержавнымъ царемъ во главѣ — вотъ русскій политическій идеалъ« и по формулѣ Конст. Аксакова (1855 г.)—»правительству—неограниченная власть государственная, народу—сила мнѣнія« (проявляющагося въ свободѣ слова устнаго и печатнаго, а въ исключительныхъ случаяхъ,—каковымъ былъ тогдашній моментъ, — въ »мнѣніи« земскаго собора всей земли русской). Проектъ земскаго собора, — вѣнчающаго зданіе земства, этого »коренного національнаго строя«, — поддерживался славянофилами, съ А. И. Кошелевымъ во главѣ*). Второй про-

*) Въ 1875 г. въ книгѣ „Общая земская дума Россіи“ (Берлинъ) Кошелевъ доказывалъ, что „безусловно осуждать самодержавіе нельзя“, что „конституціонализмъ въ Россіи безусловно невозможенъ“, такъ какъ для него здѣсь нѣтъ никакихъ элементовъ: „нѣтъ ни разнородныхъ силъ, ни слѣдовательно возможности какой-либо борьбы и какого-либо уравновѣшенія“. По его мнѣнію, если въ Россіи „тамъ, на верху, грѣшили, то это, по большей части, происходило только *по невѣдѣнію*. Этому-то *невѣдѣнію* и необходимо было помочь“. „Самодержавіе, чтобы быть сильнымъ, плодотворнымъ, должно имѣть, сколь возможно вѣрныя и живыя свѣдѣнія о всѣхъ частяхъ государства“... „Указанная цѣль можетъ быть достигнута только чрезъ представителей каждой

ектъ этой эпохи исходилъ изъ небольшого кружка высшаго чиновничества и рекомендовалъ пополненіе государственнаго совѣта представителями отъ земствъ и городовъ. Интересно, что именно этотъ проектъ былъ проведенъ немного позже Лорисъ-Меликовымъ въ законодательномъ порядкѣ, но въ 1880 г. проектъ не имѣлъ еще большого значенія. Впрочемъ, неизвѣстно даже, должны ли были земскіе и городскіе представители, по этому чиновничьему проекту 1880 г., имѣть рѣшающій голосъ въ государственномъ совѣтѣ. Оба эти проекта, стремившіеся въ сущности къ поддержанію стараго государственнаго порядка въ неизмѣнномъ видѣ, не могутъ быть названы конституціонными въ истинномъ смыслѣ слова.

Третій проектъ принадлежалъ т. н. »Земскому Союзу« и выставлялъ требованіе двухпалатной системы и федеративнаго переустройства государства.

Земскій союзъ образовался изъ »Лиги оппозиціонныхъ элементовъ« (распространила свои сношенія и на сѣверныя губерніи, гдѣ въ 1880—81 гг. даже получила большее, чѣмъ на югѣ, распространеніе и организацію, когда изъ нея образовалось »Общество Земскаго Союза и Самоуправленія«, или просто *Земскій Союзъ*.) Съ августа 1881 г. онъ издавалъ свой органъ »Вольное Слово«, причемъ первое время въ немъ принимали участіе и другіе болѣе крайніе элементы оппози-

---

мѣстности, входящей въ составъ государства,.. которые должны быть избираемы своими мѣстностями для выраженія общественнаго мнѣнія своихъ мѣстностей". „Представители должны собираться постоянно, подъ контролемъ гласности по всѣмъ законодательнымъ вопросамъ и по нѣкоторымъ особенно важнымъ общимъ административнымъ дѣламъ"... По проекту Кошелева должны были существовать выборная „Общая Земская Дума", какъ представительница всего земства, и назначаемый Государственный Совѣтъ, какъ голосъ общегосударственныхъ интересовъ соображеній и заключеній. Оба учрежденія—равноправны и имѣютъ лишь *совѣщательный*, а не рѣшающій голосъ.

ціи. Впрочемъ, принципіальная защита терроризма не находила себѣ мѣста въ »Вольномъ Словѣ«. Мало-по-малу, однако, крайніе элементы принуждены были покинуть этотъ органъ, такъ какъ ихъ централистическія стремленія противорѣчили земскому представленію о самоуправленіи и федеративномъ единеніи областей и такъ какъ либералы не желали имѣть что-либо общее съ террористами.

Съ 15-го мая 1882 года (№ 37) »Вольное Слово« стало офиціальнымъ органомъ Земскаго Союза. Въ этомъ № была напечатана программа дѣйствій Союза. Въ томъ же 1882 г. была окончательно выработана и обнародована политическая программа Союза, выставлявшаяся, однако, уже съ 1880 г., почему мы и приводимъ ее непосредственно здѣсь. Она имѣетъ большое значеніе для выясненія происхожденія современныхъ земскихъ политическихъ программъ.

Программа союза была слѣдующая:

»Земскій Союзъ имѣетъ цѣлью достиженіе *политической свободы* народовъ Россіи.

»Подъ политической свободой Союзъ разумѣетъ *самоуправленіе:*

1) обусловенное признаніемъ и обезпеченіемъ за каждымъ членомъ государственнаго общежитія всей полноты правъ человѣческой и гражданской личности и

2) основанное на уравненіи тягостей общественной службы, на внутренней самостоятельности и взаимодѣятельности самоуправляющихся группъ.

Признаніе личныхъ правъ и ихъ обезпеченіе предполагаетъ:

а) отмѣну позорящихъ человѣческое достоинство наказаній;

б) уничтоженіе навсегда всякихъ мѣръ насильственнаго (не по суду) удаленія изъ общества его членовъ;

в) свободу передвиженія, избранія мѣста жительства и занятій;

г) неприкосновенность домашняго очага;

д) свободу слова, сходокъ и товариществъ;

е) свободу совѣсти и публичнаго совершенія богослуженія и религіозныхъ обрядовъ, не противныхъ общественной нравственности, безъ различія вѣроисповѣданій; обращеніе церквей изъ государственнаго учрежденія, поддерживаемаго государственной властью и содержимаго принудительными поборами, въ частныя учрежденія обществъ вѣрующихъ;

ж) полный и повсемѣстный просторъ частной предпріимчивости на пользу общую;

з) право сопротивленія незаконнымъ дѣйствіямъ агентовъ власти;

и) право частнаго обвиненія должностныхъ лицъ и учрежденій;

і) охрану вышеисчисленныхъ правъ властью мѣстнаго выборнаго судьи, которому предоставляется на личное усмотрѣніе требовать, въ случаѣ надобности, содѣйствія вооруженной силы, обязанной немедленно оказывать требуемое содѣйствіе.

»Для постановки самоуправленія на незыблемомъ основаніи и согласно требованіямъ соціальной справедливости, признается необходимымъ:

I. Соединить съ совмѣстной дѣятельностью на пользу общую разрозненныя сословія, посредствомъ учрежденія всесословной волости.

II. Сгруппировать общественныя силы въ постоянные союзы волостей (уѣзды), въ видахъ практическаго разрѣшенія задачъ общежитія, матеріально и нравственно неосуществимыхъ усиліями населенія одной волости.

III. Доставить возможность общественнымъ силамъ группироваться по бытовому и національному ихъ средству и проистекающему изъ него единству интересовъ,

народныхъ міровоззрѣній и стремленій къ совокупной политической жизни, посредствомъ образованія *областей*, какъ самостоятельныхъ органовъ государственнаго общежитія.

IV. Уничтожить всякій произволъ и насильственность въ движеніи и развитіи государственной жизни, посредствомъ передачи законодательной власти и контроля надъ дѣйствіями правительства въ руки народныхъ представителей...

»Въ виду двойственнаго значенія Россійскаго государства, какъ вполнѣ самостоятельнаго политическаго организма и въ то же время, какъ союза народовъ и племенъ, историческими событіями въ прошедшемъ и общностью жизненныхъ интересовъ въ настоящемъ приведенныхъ къ общежитію и въ немъ удерживаемыхъ, но никакимъ человѣческимъ закономъ не обязанныхъ приносить въ жертву этому общежитію свою нравственную, національную личность и матеріальное благосостояніе родной земли, необходимымъ представляется, помимо другихъ соображеній о пользѣ и справедливости, вручить верховную законодательную власть не одному, а двумъ общегосударственнымъ собраніямъ *всенародныхъ* и *областныхъ* представителей: *Государственной Думѣ* и *Союзной Думѣ*.

А. Государственная Дума составляется изъ представителей всего населенія Россіи, избираемыхъ всеобщею подачею голосовъ по округамъ, которыхъ должно быть въ каждомъ уѣздѣ не менѣе одного. Она имѣетъ назначеніе: своею законодательною дѣятельностью объединять стремленія населеній различныхъ мѣстностей къ усовершенствованію государственнаго общежитія на благо общее, примѣненіемъ къ внутреннему государственному строительству и внѣшнимъ сношеніямъ государства началъ братской взаимопомощи, соціальной справедливости и свободы.

Б. Союзная Дума составляется изъ представителей областныхъ собраній *), которые избираются гласными этихъ собраній изъ своей среды по соображенію съ численностью населенія въ каждой области и въ одинаковомъ для всѣхъ областей пропорціональномъ отношеніи. Союзная Дума, кромѣ общей съ Государственною Думой законодательной дѣятельности, имѣетъ задачею полагать преграды такимъ стремленіямъ стоящихъ у власти группъ, которыя, подъ прикрытіемъ громкаго имени всенароднаго блага, угнетаютъ жизнь отдѣльныхъ областей и націй, входящихъ органическими членами въ составъ общегосударственнаго тѣла, ведутъ къ внутреннимъ раздорамъ и ослабляютъ общественную самодѣятельность, порождая правительственный деспотизмъ, въ прямой ущербъ жизненнымъ интересамъ государственнаго общежитія. Обѣ Думы, Союзная же въ особенности, имѣютъ назначеніе наблюдать за дѣйствіями правительства, вводить ихъ въ границы законности и удерживать въ этихъ границахъ«...

Далѣе выставлялось требованіе одновременнаго засѣданія обѣихъ Палатъ, которыя собираются безъ созыва въ опредѣленные сроки и сами вѣдаютъ внутренній распорядокъ; равнаго съ правительствомъ права почина для членовъ обѣихъ Палатъ; права запросовъ и выраженія довѣрія и недовѣрія правительству или отдѣльнымъ его членамъ; требованіе, чтобы законы, договоры, бюджетъ и смѣты чрезвычайныхъ расходовъ были разсматриваемы и утверждаемы обѣими Палатами, безъ чего вышеупомянутые акты не имѣютъ обязательной силы .

---

*) Область управляется областнымъ собраніемъ (сеймомъ, радою), которое періодически собирается безъ созыва въ опредѣленные сроки, состоитъ изъ гласныхъ, избранныхъ непосредственно всѣмъ правоспособнымъ населеніемъ округа (т.-е. взрослымъ, не лишеннымъ здраваго разума и не ограниченнымъ въ правахъ гражданства приговоромъ суда).

»Пересмотръ основныхъ (конституціонныхъ) государственныхъ законовъ можетъ послѣдовать только по взаимному соглашенію Думъ, выраженному соотвѣтственными постановленіями большинства *двухъ третей* голосовъ каждой. Тогда Глава Государства созываетъ *Соборъ*, составляемый изъ членовъ обѣихъ Думъ въ полномъ составѣ, усиленномъ особо для сего избранными представителями областныхъ собраній въ такомъ числѣ, чтобы номинальный составъ Союзной Думы равнялся численностью такому же составу Государственной Думы.«

Такова была программа земскаго союза, изложенная нами въ подробностяхъ въ виду важности ея для оцѣнки съ исторической точки зрѣнія современныхъ земскихъ проектовъ и заявленій. Будучи поставлена на обсужденіе позже, она вызвала разногласія; но уже въ 1880 году на съѣздѣ »Земскаго Союза«, въ видѣ отклоненія отъ основъ предполагавшейся двухпалатной системы и для того, чтобы объединить свои стремленія съ требованіями передовой интеллигенціи, »рѣшена была необходимость добиться центральнаго народнаго представительства при непремѣнномъ условіи *одной* палаты и *всеобщаго* голосованія.«

Наконецъ, существовалъ также проектъ, предлагавшій созывъ учредительнаго собранія и имѣвшій въ виду объединить либеральную оппозицію съ крайними лѣвыми группами, выставлявшими, какъ мы знаемъ, это требованіе на первый планъ.

Нельзя не замѣтить, что требованіе учредительнаго собранія выставлено было той группой земскихъ дѣятелей, которые въ 1878—9 г., разсуждая о »ближайшихъ задачахъ земства«, выставляли 3 основныхъ требованія: »свободу слова и печати, гарантіи личности и созывъ учредительнаго собранія.«

Еще въ самомъ началѣ дѣятельности Лорисъ-Меликова, а именно 25-го марта 1880 г., ему была подана

петиція для представленія государю. Петиція эта была подписана »двадцатью пятью именитыми московскими гражданами, въ томъ числѣ нѣсколькими профессорами, адвокатами, пользовавшимися извѣстностью писателями и другими представителями образованнаго класса.« Петиція эта указывала, между прочимъ, на то обстоятельство, что одинъ изъ существеннѣйшихъ поводовъ къ развитію дѣятельности крайныхъ партій заключается въ »вынужденномъ молчаніи земствъ«.

»Въ тотъ моментъ, — говорилось въ петиціи, — когда общество стало искать государственной дѣятельности, администрація начала воздвигать ему препятствія на этомъ пути. Если правящій механизмъ въ его существующей формѣ исключаетъ прямое участіе въ правленіи тѣхъ, для кого такое участіе составляетъ первое право и твердое желаніе, то, значитъ, этотъ механизмъ нуждается въ преобразованіи. Правительство же вмѣсто этого только усиливается разрушить учрежденія, которыя способны были бы облегчить это преобразованіе. Русское общество все болѣе и болѣе укрѣпляется въ убѣжденіи, что такое обширное государство, какъ наше, съ его сложной соціальной жизнью, не можетъ быть управляемо исключительно чиновниками. Земскія собранія съ каждымъ годомъ даютъ все большее и большее число людей, способныхъ къ политической дѣятельности, а между тѣмъ эти собранія систематически притѣсняются...«

Петиція излагала далѣе эти притѣсненія земства администраціей и продолжала:

»Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого является опасеніе, что земскія собранія, долженствовавшія быть независимыми органами мѣстнаго самоуправленія, скоро выродятся во второстепенныя присутствія мѣстной администраціи. Эта система послѣдовательныхъ притѣсненій все-таки не можетъ подавить стремленія общества къ независимой политической дѣятельности, но только

внѣдряетъ хроническое недовольство и дѣлаетъ изъ администраціи скорѣе служительницу интересамъ бюрократіи, чѣмъ интересамъ народа.«

Въ заключеніе въ петиціи заявлялось, что »единственное средство вывести страну изъ ея настоящаго положенія заключается въ созваніи независимаго собранія изъ представителей земствъ и въ предложеніи этому собранію участія въ управленіи націей и въ выработкѣ необходимыхъ гарантій для правъ личности, свободы мысли и слова.«

Такимъ образомъ, и эта общественная группа высказывала, въ сущности, пожеланіе созыва учредительнаго собранія, хотя и не изъ народныхъ, но лишь изъ земскихъ представителей.

II.

Земскія заявленія (1880 г.). Лорисъ-Меликовъ и представители печати. Ослабленіе гнета по отношенію къ „умѣреннымъ“. Сенаторскія ревизіи. Разрѣшеніе областныхъ земскихъ съѣздовъ. Проектъ Лорисъ-Меликова о допущеніи экспертовъ въ подготовительныя комиссіи при государственномъ совѣтѣ (т. наз. „конституція Лорисъ-Меликова“).

Мы уже говорили выше, что къ началу 80-хъ годовъ земскіе дѣятели силою вещей были приведены къ сознанію необходимости создать общегосударственное представительство. Это выразилось въ цѣломъ рядѣ заявленій въ земскихъ собраніяхъ.

Такъ, комиссія самарскаго земства заявляла по поводу причинъ экономическаго упадка быта крестьянскаго населенія: »Какая практическая польза отъ изслѣдованій нашими общественными учрежденіями народныхъ нуждъ, когда, въ силу полной *разобщенности* этихъ учрежденій, ихъ изслѣдованія не могутъ получать надлежащаго государственнаго обобщенія, а слѣдовательно и настоящей силы въ глазахъ правитель-

ства«... Новгородскій губернскій гласный Н. Н. Нечаевъ заявлялъ въ 1880 году: »свободная дѣятельность невозможна безъ обезпеченія *правъ личности*, ея *неприкосновенности*, безъ права *свободнаго обсужденія*; но этими-то правами не пользуются русскіе люди и отсутствіе этихъ правъ отражается и на общественной дѣятельности.« Новгородскій гласный Н. Ѳ. Румянцевъ указывалъ, что земство не можетъ высказаться объ общихъ мѣрахъ къ развитію народнаго благосостоянія, потому что земскіе дѣятели »затрудняются« сдѣлать это. Поэтому онъ формулировалъ »наше первое и единственное желаніе — это ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобъ оно признало неприкосновенность личности, — признало, что каждый изъ насъ отвѣтственъ лишь предъ закономъ и лишь по суду. Я думаю, объ этомъ собранію ходатайствовать необходимо прежде всего, а безъ этого мы будемъ безсильны и нѣмы во всякомъ серьезномъ вопросѣ.«

Графу Лорисъ-Меликову предстояло опредѣлить точно и ясно программу правительства. Нужно было или стать на путь конституціонный, или подавить всѣ конституціонныя заявленія, хотя бы для этого пришлось закрыть земства и замѣнить ихъ бюрократическими органами. И то, и другое было бы логично, каждое въ своемъ родѣ.

Но первый путь, какъ мы видѣли выше изъ доклада Лорисъ-Меликова императору, не прельщалъ его, второй же былъ явно безуменъ. Былъ избранъ третій, средній путь, не удовлетворившій ни реакціонеровъ, ни крайнюю лѣвую, ни конституціоналистовъ, путь, который привелъ къ катастрофѣ 1-го марта. Это была попытка, продолжая репрессіи противъ »крайнихъ«, умиротворить »умѣренныхъ« нѣкоторыми незначительными уступками; въ заявленіяхъ графа Лорисъ-Меликова это намѣреніе его нашло себѣ характерное выраженіе. Въ бесѣдѣ своей съ редакторами періодиче-

скихъ петербургскихъ изданій (6-го сентября 1880 г.) онъ заявилъ, что его цѣль — »дать земству и другимъ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ возможность вполнѣ воспользоваться тѣми правами, которыя дарованы имъ закономъ, стараясь при этомъ облегчить ихъ дѣятельность въ тѣхъ случаяхъ, когда на опытѣ въ томъ или другомъ отдѣлѣ предоставленной имъ закономъ дѣятельности окажется недостатокъ полномочій, необходимыхъ для правильнаго веденія дѣлъ и экономическаго улучшенія мѣстности... Привести къ единообразію полицію и поставить ее въ гармонію съ новыми учрежденіями, чтобы въ ней не было болѣе возможности проявляться разнымъ уклоненіямъ отъ закона, существовавшимъ доселѣ, дать провинціальнымъ учрежденіямъ большую самостоятельность въ разрѣшеніи подвѣдомыхъ имъ дѣлъ, дознать желанія, нужды, состояніе населенія, обративъ при этомъ вниманіе и на его экономическое положеніе.« Въ программѣ этой все было сказано въ такой формѣ, что каждый могъ понимать ее по своему; однако, по адресу конституціонныхъ заявленій и притязаній было сказано тогда же, что Лорисъ-Меликовъ настойчиво рекомендуетъ представителямъ печати »не смущать и не волновать *напрасно* общественные умы своими мечтательными иллюзіями« *).

Однако, облегченіе земской дѣятельности и удовлетвореніе земскихъ пожеланій даже въ самой скромной формѣ должно было силою обстоятельствъ привести правительство съ Лорисъ-Меликовымъ во главѣ къ необходимости такъ или иначе создать общенародное представительство; и поэтому общество въ широкомъ смыслѣ слова, умѣренные либеральные круги—встрѣтили заявленія Лорисъ-Меликова съ довѣріемъ и надеждами. Снова начались заявленія общественныхъ

*) Органъ крайней лѣвой заявилъ, что въ рѣчи гр Лорисъ-Меликова „мелькаетъ лисій хвостъ и стучитъ волчья пасть“. Это замѣчаніе недурно характеризуетъ уклончивую политику Лорис

группъ, подобно періоду 1861—2 года, и особенно со стороны земскихъ собраній. Подъ вліяніемъ этихъ заявленій правительство облегчило нѣсколько положеніе печати, учредило комиссію для пересмотра законовъ о ней, съ участіемъ ея представителей (хотя участіе это ограничилось присутствіемъ нѣсколькихъ редакторовъ въ двухчасовомъ засѣданіи), упразднило III отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи (передавши, впрочемъ, дѣла и полномочія III отдѣленія департаменту полиціи и министру внутреннихъ дѣлъ), уволило ненавистнаго всей Россіи министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора святѣйшаго синода графа Д. Толстого и, наконецъ, стало удѣлять больше вниманія земскимъ ходатайствамъ. Такія мѣропріятія, хотя въ сущности и не особенно много дававшія, но все же порывавшія до нѣкоторой степени съ традиціями внутренней политики послѣднихъ 14 лѣтъ (съ 1866 г.), вызвали сочувственныя заявленія и привѣтствія со стороны земствъ. Историкъ этого момента въ исторіи земства (г. Скалонъ) говоритъ, что »выражая свое сочувствіе новому направленію правительственной политики, земскіе представители обнаружили большую умѣренность: полагаясь на мудрость и благонамѣренность власти, они не заявляли никакихъ требованій, воздерживались отъ всякихъ указаній на желательныя реформы. Глубокая вѣра въ прочность вновь устанавливавшагося порядка заставляла ихъ терпѣливо ожидать мѣропріятій со стороны самого правительства *)«.

Библиотека
126953

*) Очень остроумно выразилъ вожделѣнія тогдашнихъ „умѣренныхъ“ поэтъ Минаевъ въ экспромптѣ, сказанномъ графъ Лорисъ-Меликову:

„Держась субординаціи
„Въ виду порядка строгаго,
„Сыны россійской націи
„Желаютъ, графъ, немногаго:
„На первый разъ хоть куцую
„Намъ дайте конституцію“...

Вотъ именно это отношеніе земства къ коренному политическому вопросу, именно эта сравнительная бездѣятельность и излишняя довѣрчивость къ милостивому и благожелательному отношенію того или иного бюрократа, словомъ, именно эта политическая недальновидность земцевъ и была причиной того, что ихъ надежды оказались тщетными, и возможная уже тогда политическая реформа не получила осуществленія.

Тверское губернское земское собраніе въ телеграммѣ своей Лорисъ-Меликову высказывало убѣжденіе, »что прискорбное прошлое не воротится, что для дорогого намъ всѣмъ отечества открывается счастливое будущее. Русскій гражданинъ, личность котораго будетъ свято охраняться закономъ, сумѣетъ постоять за достоинство Престола и за великіе интересы государства. Только такіе граждане составляютъ надежный и несокрушимый оплотъ«...

Продовольственная комиссія самарскаго земства высказала мысль, что »самыя реформы лишь тогда вполнѣ достигнутъ своей цѣли, когда онѣ не будутъ болѣе являться продуктами только теоретическихъ выводовъ и обобщеній, а при активномъ участіи въ ихъ выработкѣ и примѣненіи общественныхъ представителей, по примѣру крестьянской реформы, будутъ служить вѣрнымъ выраженіемъ народныхъ нуждъ и мыслей.«

Тверское земское собраніе ходатайствовало о томъ, чтобы »Положеніе 19-го февраля и послѣдовавшія узаконенія, къ нему относящіяся, въ виду крайней необходимости, указываемой ненормальнымъ ходомъ жизни, были пересмотрѣны и измѣнены, дополняя притомъ, что единственнымъ способомъ къ достиженію этой цѣли и къ успѣшному разрѣшенію вопроса представляется участіе въ обсужденіи и разрѣшеніи его представителей самихъ заинтересованныхъ лицъ и въ особенности крестьянъ, какъ огромнаго большинства населенія.«

Заявленія эти о необходимости участія общественныхъ представителей въ разрѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ высказывались земствами въ 1880 г. съ весьма большой сдержанностью и осторожностью. »Земство, говоритъ по этому поводу г. Скалонъ, вѣрило и сочувствовало правительству и какъ бы *боялось забыгать* впередъ, обращаться къ нему съ *чрезмѣрными* просьбами.«

Такъ, напр., продовольственная комиссія новгородскаго земства не признала возможнымъ разсматривать записку гласн. Нечаева въ земскомъ собраніи; авторъ ея и самъ не протестовалъ противъ этого, »такъ какъ«, по его словамъ, »споръ о томъ, какія мѣры слѣдуетъ принять (къ улучшенію экономическаго положенія), завелъ бы насъ *слишкомъ* далеко.«

Записка Нечаева доказывала необходимость дальнѣйшихъ реформъ.

»Реформы эти, писалъ Нечаевъ, для того, чтобы получить надлежащую крѣпость и принести желанные плоды, должны соотвѣтствовать дѣйствительнымъ нуждамъ страны и большинства населенія. Для того, чтобы познакомиться съ желаніями и нуждами большинства, правительству необходимо выслушать голосъ народа, дать ему возможность и средства свободно высказываться«... »Свобода мысли и слова, немыслимая безъ личной неприкосновенности, строгое господство законности, расширеніе правъ земства и преобразованіе его въ смыслѣ болѣе истиннаго и вѣрнаго выраженія общественныхъ интересовъ и желаній, болѣе тѣсная связь между земствами отдѣльныхъ губерній — вотъ тѣ принципы, которые« — по мнѣнію гласн. Нечаева — »должны быть положены въ основу предстоящихъ реформъ.«

Подъ вліяніемъ земскихъ заявленій были предприняты нѣкоторыя мѣры, входившія въ объявленную программу графа Лорисъ-Меликова. А именно, чтобы »до-

знать желанія, нужды и состояніе населенія«, были назначены сенаторскія ревизіи (Ковалевскаго, Половцева, Мордвинова и Шамшина) въ губерніяхъ Казанской, Уфимской, Кіевской, Черниговской, Воронежской, Тамбовской, Саратовской и Самарской. Въ инструкціи, данной ревизующимъ сенаторамъ, вопросъ о расширеніи дѣятельности земствъ былъ поставленъ весьма ясно и опредѣленно. »Указываютъ, значилось въ инструкціи, какъ на причину неуспѣха дѣятельности земствъ, на недостаточность ихъ состава въ качественномъ отношеніи, на несочувствіе къ земству правительственныхъ лицъ и учрежденій, на ограниченность ихъ круга дѣятельности, на затрудненія, какія встрѣчаетъ оно по предметамъ, которые требовали бы соглашенія земствъ сосѣднихъ уѣздовъ или губерній, на стѣсненія въ гласности, на недостатокъ средствъ.«

Степень правильности этихъ указаній требуетъ тщательной провѣрки. Такая провѣрка, поясняла инструкція, можетъ установить, не зависитъ ли недостаточность личнаго состава земствъ отъ существующаго порядка земскаго представительства и производства выборовъ; нельзя ли расширить участіе земствъ въ рѣшеніи дѣлъ, касающихся мѣстныхъ хозяйственныхъ потребностей; можетъ ли быть изыскана удобная форма для совмѣстныхъ сужденій земствъ разныхъ губерній по такимъ вопросамъ, которые бы требовали совокупныхъ мѣръ; не должна ли быть допущена большая гласность въ опубликованіи журналовъ земскихъ собраній и тому подобное.

Самые вопросы какъ бы предполагали уже утвердительные отвѣты и обѣщали удовлетвореніе насущнѣйшихъ земскихъ нуждъ и требованій. Стали разрѣшаться областные земскіе съѣзды. Представители всегда враждебной къ земству бюрократіи заговорили въ новомъ тонѣ. Такъ, черниговскій губернаторъ при открытіи очередного собранія 12 янв. 1881 г., въ рѣчи сво-

ей заявилъ, что »правительству нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, нуженъ консультативный голосъ земства по многимъ отраслямъ *государственнаго* хозяйства.«

»Новое направленіе политики отразилось на всемъ ходѣ нашей внутренней жизни«, писала 7-го января 1881 г. газета »Земство«. »Во всеуслышаніе стала высказываться мысль о необходимости крупныхъ реформъ, о предоставленіи обществу болѣе широкаго участія въ государственномъ управленіи, о своевременности *вѣнчанія зданія;* хотя, по заявленію новаго министра внутреннихъ дѣлъ (Лорисъ-Меликова), осуществленіе мечтательныхъ иллюзій печати о привлеченіи общества къ участію въ законодательствѣ и управленіи, въ видѣ ли представительныхъ собраній европейскихъ, въ видѣ ли бывшихъ нашихъ древнихъ земскихъ соборовъ, не входитъ въ ближайшую правительственную программу, тѣмъ не менѣе, идеи эти все болѣе распространяются въ обществѣ, все болѣе крѣпнетъ надежда, что за предоставленіемъ должной силы новымъ учрежденіямъ, уже существующимъ, за приведеніемъ въ сообразность и гармонію съ послѣдними учрежденіями стараго порядка, словомъ, за упорядоченіемъ управленія мѣстнаго и весь государственный строй подвергнется преобразованію.«

Гр. Лорисъ-Меликовъ, относившійся при вступленіи въ должность отрицательно къ общественному представительству въ дѣлахъ общегосударственнаго управленія, подъ давленіемъ общественнаго движенія, рѣшилъ сдѣлать еще одинъ робкій шагъ по пути своей вигзагообразной, колеблющейся, но все-таки невольно шедшей къ конституціи — политики*). Онъ рѣшилъ

*) Извѣстный врачъ и общественный дѣятель Бѣлоголовый даетъ слѣдующую характеристику Лорисъ-Меликова: „Онъ былъ умѣренный постепеновецъ, послѣдовательный либералъ, строго убѣжденный защитникъ органическаго прогресса, съ одинаковымъ несочувствіемъ относившійся ко всѣмъ явленіямъ, задерживающимъ

привлечь выборныхъ отъ земствъ и городовъ къ участію въ законодательной дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ и былъ составленъ докладъ, съ которымъ онъ вошелъ 28-го января 1881 г. къ государю.

Въ докладѣ Лорисъ-Меликовъ прежде всего свидѣтельствуетъ предъ государемъ, что первые шаги по предначертанному Высочайшей волей пути къ возможному удовлетворенію законныхъ потребностей и нуждъ населенія принесли уже замѣтную пользу, ибо »постепенное возвращеніе государственной жизни къ правильному ея теченію удовлетворяетъ въ значительной степени внутреннимъ стремленіямъ благомыслящей части общества и укрѣпляетъ временно поколебленное довѣріе населенія къ силѣ и прочности правительственной власти въ Россіи.« Общество, заявлялъ Лорисъ-Меликовъ, готово служить всѣми силами для завершенія великаго дѣла государственныхъ реформъ, предпринятыхъ съ первыхъ же дней восшествія Е. И. В. на престолъ, и этимъ его настроеніемъ, въ видахъ прочнѣйшаго установленія порядка, необходимо воспользоваться. Для окончанія реформъ и для разрѣшенія стоящихъ на очереди вопросовъ необходимо весь тотъ матеріалъ, который имѣется въ центральныхъ вѣдомствахъ, и всѣ тѣ данныя, которыя будутъ собраны на мѣстахъ ревизующими сенаторами, подвергнуть разработкѣ; но такая разработка будетъ недостаточна безъ практическихъ указаній людей, близко знакомыхъ съ

нормальный ростъ и правильное развитіе народовъ, съ какой-бы стороны эти явленія ни обнаруживались. Непоколебимо вѣруя въ прогрессъ человѣчества и въ необходимость для Россіи примкнуть къ его благамъ, онъ стоялъ за возможно широкое распространеніе народнаго образованія, за нестѣсняемость науки, за расширеніе и большую самостоятельность управленія и за привлеченіе выборныхъ отъ общества къ обсужденію законодательныхъ вопросовъ въ качествѣ совѣщательныхъ членовъ. Дальше этого его рефоматорскіе идеалы не шли“.

мѣстными условіями и потребностями. Поэтому, призваніе общества къ разработкѣ необходимыхъ для настоящаго времени мѣропріятій есть именно то средство, которое полезно и необходимо для дальнѣйшей борьбы съ крамолой. Существенно важнымъ и подлежащимъ зрѣлому обсужденію представляется при этомъ лишь способъ осуществленія этой мысли. Обращаясь затѣмъ къ изысканію этого способа, гр. Лорисъ-Меликовъ выражалъ увѣренность, что »для Россіи немыслима никакая организація народнаго представительства въ формахъ, заимствованныхъ съ Запада; формы эти не только чужды русскому народу, но могли бы даже поколебать всѣ основныя его политическія воззрѣнія и внести въ нихъ полную смуту, послѣдствія коей трудно и предвидѣть. Равнымъ образомъ, представляется далеко несвоевременнымъ и высказываемое нѣкоторыми приверженцами старинныхъ формъ Россійскаго государства предположеніе о пользѣ образованія у насъ Земской Думы или Земскаго Собора. Наше время настолько удалилось отъ періода указываемой старинной формы представительства, по измѣнившимся понятіямъ и взаимнымъ отношеніямъ составныхъ частей русскаго государства и современному географическому его очертанію, что простое возсозданіе древняго представительства являлось бы трудно осуществимымъ и во всякомъ случаѣ опаснымъ опытомъ возвращенія къ прошедшему.« »При такомъ воззрѣніи на высказываемыя въ средѣ нѣкоторой части общества мнѣнія о необходимости прибѣгнуть къ представительнымъ формамъ для поддержанія порядка въ Россіи, и, признавая, что мнѣнія эти составляютъ лишь выраженіе созрѣвшей потребности служить общественному дѣлу, наиболѣе практическимъ способомъ было бы дать законный исходъ этой потребности въ порядкѣ, уже испытанномъ по мудрымъ указаніямъ Вашего Имп. Величества при разработкѣ крестьянской реформы; порядокъ этотъ слѣ-

дуетъ, конечно, примѣнить къ потребностямъ и задачамъ настоящей минуты.«

Въ видѣ практической мѣры графъ проектировалъ:

»1) Сдѣлать нынѣ же распоряженіе, чтобы находящіеся въ разныхъ министерствахъ и другихъ центральныхъ учрежденіяхъ матеріалы, имѣющіе отношеніе къ перечисленнымъ министромъ внутр. дѣлъ вопросамъ, были собраны, сгруппированы по однороднымъ предметамъ и приведены въ такой порядокъ, въ какомъ, по усмотрѣнію подлежащаго министра, они могли бы съ удобствомъ быть подвергнуты соображенію подготовительныхъ комиссій. 2) На окончаніе этихъ работъ назначить срокъ, совпадающій съ окончаніемъ сенаторскихъ ревизій. По представленіи сенаторами добытыхъ изъ ревизіи данныхъ, дополнить ими собранные въ центральныхъ учрежденіяхъ матеріалы и установить тѣ вопросы и предположенія, которые въ теченіе осени могли бы быть внесены въ подготовительныя комиссіи.

3) Подготовительныя комиссіи изъ членовъ правительственныхъ вѣдомствъ и приглашенныхъ съ высочайшаго соизволенія свѣдущихъ — служащихъ и неслужащихъ — лицъ, извѣстныхъ своими спеціальными трудами въ наукѣ или опытностью по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія или народной жизни. На обязанность сихъ комиссій возложить составленіе законопроектовъ въ тѣхъ предѣлахъ, кои будутъ указаны высочайшей волей.

4) Составленные подготовительными комиссіями законопроекты, предварительно внесенія установленнымъ порядкомъ въ государственный совѣтъ, передавать, по высочайшему повелѣнію, на обсужденіе *общей комиссіи*, учреждаемой на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

5) Общая комиссія, подъ предсѣдательствомъ лица, непосредственно избраннаго Высочайшею властью, составляется: а) изъ назначенныхъ, по Высочайшему по-

велѣнію, къ постоянному присутствованію въ оной лицъ, принимавшихъ участіе въ работахъ подготовительныхъ комиссій; б) изъ выборныхъ отъ губерній, въ коихъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, и отъ нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ городовъ, и в) изъ назначенныхъ особымъ порядкомъ членовъ отъ тѣхъ мѣстностей, въ коихъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ не дѣйствуетъ.

6) Отъ губерній, въ коихъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, избирается въ составъ общей комиссіи по одному или по два члена, сообразуясь съ населеніемъ губерніи. Избраніе предоставляется губернскимъ земскимъ собраніямъ.

7) Члены отъ значительнѣйшихъ городовъ избираются городскими думами, въ столицахъ — по два, въ прочихъ городахъ — по одному.

8) Губернскимъ земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ предоставляется избрать членовъ общей комиссіи какъ изъ среды гласныхъ, такъ и изъ другихъ лицъ, принадлежащихъ къ населенію губерніи или города.

9) Порядокъ и условія назначенія въ общую комиссію представителей отъ мѣстностей, въ коихъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ не дѣйствуютъ, имѣютъ быть опредѣлены особо.

10) Члены подготовительныхъ комиссій, не назначенные къ постоянному участію въ занятіяхъ общей комиссіи, присутствуютъ въ ней, съ правомъ голоса, при обсужденіи тѣхъ законопроектовъ, въ составленіи коихъ они участвовали.

11) Для занятій общей комиссіи назначается опредѣленный срокъ.

12) Работы общей комиссіи имѣютъ значеніе *совѣщательное* (!) Учрежденіемъ ея не измѣняется существующій нынѣ порядокъ возбужденія законодательныхъ вопросовъ и окончательнаго ихъ обсужденія. Раз-

смотрѣнные общею комиссіею законопроекты вносятся законнымъ порядкомъ въ государственный совѣтъ подлежащими министрами, съ изложеніемъ и собственнаго заключенія министра.«

III.

Мнѣнія о проектѣ Л. Меликова — его собственное и имп. Александра II. Взрывъ 1-го марта. Письмо Исполнительнаго Комитета Народной Воли къ новому императору. Критическій моментъ въ развитіи революціи. Заявленія земскихъ и дворянскихъ собраній. Общія причины общественной реакціи 80 годовъ

Таковъ былъ проектъ, извѣстный въ обществѣ подъ громкимъ именемъ *»конституціи* Лорисъ-Меликова«. Мы видимъ, что въ немъ не было ничего собственно конституціоннаго: ни въ способѣ составлять »общую комиссію«, ни въ ея компетенціи. Къ бюрократическимъ учрежденіямъ прибавлялось еще одно, отчасти пополняемое выборами думъ и земствъ. Порядокъ законодательнаго почина и окончательнаго обсужденія и утвержденія законопроектовъ оставался тотъ же. Даже право министровъ ходатайствовать предъ государемъ объ изданіи сепаратныхъ указовъ, въ видѣ Высочайше утвержденныхъ предположеній отдѣльнаго министра, — оставалось неприкосновеннымъ. Избранные и назначенные члены общей комиссіи — были не болѣе какъ »свѣдущіе люди«, которымъ предоставлялось давать необходимыя правительству разъясненія по предлагаемымъ правительствомъ вопросамъ. Но само по себѣ маловажное преобразованіе это могло, конечно, имѣть большое значеніе политическое, такъ какъ, при возможности законномѣрнаго и спокойнаго развитія, »общая комиссія« превратилась бы въ собраніе выборныхъ представителей земствъ (распространенныхъ на всю Россію), а затѣмъ могло бы, безъ особеннаго труда, превратиться въ законодательное собраніе съ рѣшаю-

щимъ голосомъ. Все это, конечно, могло бы осуществиться постепенно и мирно, но для того было бы необходимо возстановить нормальный порядокъ въ странѣ, дать свободу печати, обезпечить права личности, возстановить, распространить и укрѣпить значеніе земства, вообще, не бояться послѣдствій измѣненія старой политики подавленія на новую политику совмѣстной съ населеніемъ работы на основѣ довѣрія. Между тѣмъ положеніе продолжало быть двойственнымъ. Самъ Лорисъ-Меликовъ не заблуждался на счетъ недостаточности тѣхъ уступокъ, какія правительство дѣлало общественному мнѣнію согласно его проекту; онъ не смотрѣлъ на предложенную имъ реформу, какъ на нѣчто окончательное, видѣлъ въ ней только первый шагъ къ сближенію высшей администраціи съ представителями отъ земства. Онъ надѣялся, что взаимное довѣріе несомнѣнно послѣдуетъ отъ такого сближенія, что государь убѣдится въ той поддержкѣ, какую въ дѣлѣ успокоенія умовъ и внутренней реформы готовы оказать ему такъ глубоко преданныя престолу русскія земли.

Есть свѣдѣнія, что имп. Александръ II разсматривалъ проектъ Лорисъ-Меликова, какъ первый шагъ къ конституціи. По прочтеніи доклада государь сказалъ Лорисъ-Меликову: »Да вѣдь это états généraux!« (Это — генеральные штаты!) *).

17-го февраля 1881 г. докладъ Лорисъ-Меликова былъ Высочайше утвержденъ. Во время совѣщаній съ министрами по поводу проекта »общей комиссіи« имп. Александръ II сказалъ: »Господа! Намъ предлагаютъ не что иное, какъ собраніе нотаблей Людовика XVI. Не забывайте послѣдствій... тѣмъ не менѣе, если

*) Намёкъ на французскіе генеральны штаты изъ представителей сословій (дворянства, духовенства и буржуазіи), которые въ 1789 г. провозгласили себя французскимъ учредительнымъ національнымъ собраніемъ.

вы считаете это полезнымъ для страны, я не буду противиться.«

1-го марта 1881 г. утромъ, передъ отъѣздомъ имп. Александра II въ Михайловскій манежъ, Лорисъ-Меликовъ имѣлъ докладъ у государя, причемъ имп. Александръ II вручилъ ему одобренный проектъ правительственнаго сообщенія о созывѣ »общей комиссіи« по проекту Лорисъ-Меликова (предполагалось собрать подготовительныя комиссіи къ осени 1881 г., а общую комиссію созвать въ началѣ 1882 г. по окончаніи сессій губернскихъ земскихъ собраній) и выразилъ при этомъ желаніе, чтобы проектъ сообщенія, до его напечатанія, былъ выслушанъ въ засѣданіи совѣта министровъ 4-го марта.

Такимъ образомъ, правительство готовилось вступить на путь дальнѣйшаго развитія реформъ, на путь, на который властно толкала его необходимость послѣ освобожденія крестьянъ, кореннымъ образомъ измѣнявшаго общественный русскій строй. Но переходъ отъ реакціи къ поступательному движенію былъ слишкомъ робокъ и нерѣшителенъ. Страна была потрясена и жила напряженной нервной жизнью. Нужны были мѣры рѣшительныя и опредѣленныя, политика цѣльная и единая.

Но Лорисъ-Меликовъ какъ бы боялся открыто и явно заявить о новомъ курсѣ. Въ тиши канцелярій подготовлялся новый важный законопроектъ, а общество не было о немъ освѣдомлено: ему извѣстно было, что надежды его ничто иное, какъ »мечтательныя иллюзіи«; и въ то же время представителей этого же общества хотѣли »призвать« къ законосовѣщательной дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство неуклонно продолжало свою борьбу съ крайними направленіями, съ »крамолой«. *Десятки* административно сосланныхъ были возвращены, но на ихъ мѣсто были посланы *сотни* другихъ. Не только не была дана амни-

стія пострадавшимъ за политическія убѣжденія, но наоборотъ, режимъ заключенныхъ въ политическихъ тюрьмахъ (т. н. »централахъ«) и на каторгѣ (на р. Карѣ) былъ значительно ухудшенъ.

Не прекращающіяся гоненія на крайнія партіи ожесточали ихъ представителей. Ихъ идеалъ — созывъ представителей народа въ учредительное собраніе — оставался по прежнему безъ всякой надежды на исполненіе. У нихъ не было никакой возможности легально проповѣдовать свои соціальныя теоріи и проводить свои политическіе взгляды. И эта невозможность осуществлять свои идеалы ставила предъ ними дилемму, или покориться, вырвать изъ сердца все, во что они вѣрили, чего страстно желали, или бороться не на жизнь, а на смерть. За цѣлый годъ правленія Лорисъ-Меликова они не видѣли никакихъ признаковъ того, что положеніе измѣнится къ лучшему. И катастрофа, о которой съ 1879 г. могла предполагать вся Россія, совершилась.

1-го марта 1881 г. имп. Александръ II былъ смертельно раненъ бомбой на набережной Екатерининскаго канала.

Какъ и нужно было ожидать, убійство имп. Александра II произвело потрясающее впечатлѣніе и вызвало рядъ заявленій со стороны общества. Исполнительный Комитетъ Народной Воли обратился къ новому императору съ письмомъ (написаннымъ Львомъ Тихомировымъ), и вышедшимъ въ свѣтъ 12-го марта 1881 г. Въ письмѣ этомъ было обрисовано тяжелое положеніе Россіи, причины возникновенія недовольства и появленія крайнихъ партій, а также обстоятельства, послужившія причиной катастрофы 1-го марта. Авторы письма видѣли возможность мирнаго исхода изъ тяжелаго положенія только въ »добровольномъ обращеніи Верховной власти къ народу.« Въ этомъ случаѣ, писали они, »Исполнительный Комитетъ самъ прекратитъ свою

дѣятельность, и организованныя около него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работѣ на благо родного народа. Мирная идейная борьба смѣнитъ насиліе...

»Условія, которыя необходимы для того, чтобы революціонное движеніе замѣнилось мирной работой... — слѣдующія:

1) Общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени,

2) Созывъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни, и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями.

»Выборы должны быть свободны, а для этого:

1) Депутаты посылаются отъ всѣхъ классовъ и сословій безразлично, и пропорціонально числу жителей;

2) Никакихъ ограниченій ни для избирателей, ни для депутатовъ не должно быть;

3) Избирательная агитація и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно въ видѣ временной мѣры, впредь, до рѣшенія народнаго собранія, допустить:

а) полную свободу печати,

б) полную свободу слова,

в) полную свободу сходокъ,

г) полную свободу избирательныхъ программъ.

»Вотъ единственное средство къ возвращенію Россіи на путь правильнаго и мирнаго развитія. Заявляемъ торжественно, предъ лицомъ родной страны и всего міра, что наша партія съ своей стороны безусловно подчинится рѣшенію Народнаго Собранія, избраннаго при соблюденіи вышеизложенныхъ условій, и не позволитъ себѣ впредь никакого насильственнаго противодѣйствія правительству, санкціонированному Народнымъ Собраніемъ.«

Таковы были основныя положенія и требованія, выраженныя въ письмѣ Исполнительнаго Комитета къ имп. Александру III.

Моментъ былъ рѣшительный. Власть, подавлявшая безпощадно всякое проявленіе политическаго и соціальнаго недовольства, и революція, только что осуществившая возвѣщенное задолго (съ 20 августа 1879 г.), неоднократно и неудачно повторяемое покушеніе на убійство носителя верховной власти (на этотъ разъ удавшееся), — стояли лицомъ къ лицу. Государственная власть, вооруженная всѣмъ, что ей доступно, силой чрезвычайной репрессіи, имѣвшая въ рукахъ войско, полицію, суды, всѣ средства сообщенія, но не сумѣвшая охранить царя отъ удара, направленнаго небольшой группой людей, была поражена въ самомъ центрѣ, была поколеблена. Революція, въ лицѣ партіи Народной Воли, выставившая своимъ идеаломъ свободное выраженіе и осуществленіе воли всего народа, увлеченная репрессіей на путь кровавой самообороны, а затѣмъ перешедшая въ нападеніе при посредствѣ террора, но не опиравшаяся на широкія народныя массы, пришла 1-го марта къ логическому и фактическому окончанію своей дѣятельности. Въ этой борьбѣ, потребовавшей отъ народовольцевъ сверхчеловѣческихъ усилій, устраненіе представителей власти, стоявшихъ на пути къ осуществленію воли народа, должно было оказать такое моральное воздѣйствіе на власть, которое привело бы ее къ необходимости призвать народныхъ представителей.

Но когда нанесенъ былъ рѣшительный ударъ, рѣшеніе вопроса зависѣло уже не столько отъ власти, не столько отъ революціонеровъ, сколько отъ народа и отъ общества. Вопросъ о народномъ представительствѣ былъ поставленъ народовольцами рѣзко и опредѣленно; онъ намѣченъ былъ къ тому времени и умѣренно-либеральными земцами, хотя и не вполнѣ ясно.

Рѣшать долженъ былъ народъ, но народъ безмолвствовалъ... Исторія дала великій предметный урокъ на тему: нельзя стремиться къ тому, чтобы *все* дѣлалось *для* народа, но *не* при посредствѣ народа, *не самимъ* народомъ. Нечеловѣческія усилія людей, боровшихся за народную волю безъ участія самого народа, оказались тщетными, и всѣ передовые борцы погибли на висѣлицахъ, въ тюрьмахъ и въ ссылкѣ.

Но часто бывало, что тамъ, гдѣ народъ безмолвствуетъ, верхніе его слои бываютъ въ силахъ добиться представительства и участія во власти. Какъ же отозвалось общество на такой чрезвычайный моментъ государственной жизни? Мы знаемъ, что земства въ своихъ заявленіяхъ намѣтили вопросъ о народномъ представительствѣ, но въ рѣшительный моментъ, когда надо было сдѣлать переходъ къ представительству безповоротнымъ, земскіе дѣятели не оказались на высотѣ задачи.

Смерть имп. Александра II вызвала слѣдующія заявленія со стороны земства.

5-го марта, на губернскомъ земскомъ собраніи въ Самарѣ, по поводу предложенія ходатайствовать о расширеніи правъ земства въ дѣлѣ борьбы съ эпидеміями, гл. Ждановъ высказалъ, что »если ходатайствовать, то не о такихъ мелочахъ; пора прямо высказать, что желательно расширеніе правъ земства не по какому-либо *отдѣльному* предмету, входящему въ область его вѣдѣнія, а расширеніе правъ народа и участіе его, въ лицѣ своихъ представителей, въ самоуправленіи всей страны. Мы не для того только что приняли сейчасъ присягу, чтобы сейчасъ обманывать и говорить не то, что думаемъ и желаемъ.« Гл. Нудатовъ предлагалъ избрать комиссію по вопросу объ эпидеміяхъ особаго рода (эпидеміи экономическаго банкротства, народнаго невѣжества) и о расширеніи общихъ правъ. Пренія были прекращены предсѣдателемъ.

Въ самарскомъ дворянскомъ собраніи 8-го марта, уѣздн. предв. Тенняковъ заявилъ, что »необходимо подумать о будущемъ. Сегодня *они* убили одного Монарха, а завтра станутъ покушаться на жизнь другого. Необходимо обсудить тѣ мѣры, которыя должны быть приняты для предупрежденія подобныхъ ужасныхъ событій« Г. Нудатовъ заявилъ, что онъ вполнѣ согласенъ съ г. Тенняковымъ насчетъ принятія предупредительныхъ мѣръ, но не можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы онѣ обсуждались здѣсь, въ дворянскомъ собраніи. По его мнѣнію, »эту, въ высшей степени, трудную задачу могутъ разрѣшить только свободно избранные представители всѣхъ сословій, а не одного дворянства, которыхъ необходимо созвать для этой цѣли.« (*Крики: „Правда, правда!“*) »Я уже старъ и на склонѣ дней моихъ — говорилъ далѣе г. Нудатовъ. — Я люблю мою родину и желаю ей счастья и славы. Никто не заподозритъ и не скажетъ, что я — революціонеръ. Но ради блага отечества, ради счастья дѣтей нашихъ, говорю вамъ, что смута, вотъ уже 2 года терзающая Русскую землю, можетъ быть устранена только общими усиліями всѣхъ свободно избранныхъ представителей народа. Только они, а не исключительно дворянство, могутъ обсудить и принять мѣры, которыя бы дали миръ и спокойствіе нашей несчастной родинѣ.« Слезы душили его, и онъ опустился на стулъ, оглушенный громомъ рукоплесканій. Крики: »Вѣрно! Правда, правда!« — довершили общій энтузіазмъ, охватившій собраніе. Затѣмъ всталъ гр. Толстой и сказалъ: »Путь, указываемый нами — не новый и не революціонный. Онъ уже издавна практиковался на Руси. Такъ, даже самые абсолютные монархи, каковы Іоаннъ Грозный и Алексѣй Михайловичъ, и тѣ созывали земскіе соборы. Кому же, какъ не представителямъ народа, защищать своего царя? Ужъ не тѣмъ ли, которые обманывали покойнаго?«... Здѣсь рѣчь

его была прервана предсѣдателемъ. Собраніе постановило избрать комиссію для личной передачи государю адреса съ ходатайствомъ о созывѣ избранныхъ представителей народа для обсужденія и принятія мѣръ, которыя должно предпринять къ умиротворенію отечества и *искорененію* смуты.

Въ томъ же смыслѣ высказалось и новгородское губ. собраніе, которое »выразило полное свое сочувствіе рѣчи Н. Н. Нечаева, который предлагалъ умолять государя выслушать свободный голосъ Русской земли, чрезъ посредство истинныхъ ея представителей и дѣйствительныхъ выразителей народныхъ нуждъ, интересовъ и задушевныхъ мыслей,« — и слѣдующимъ образомъ высказалось въ своемъ адресѣ: »Мы умоляемъ дозволить намъ стать щитомъ священной особы В. Величества. Мы умоляемъ даровать обществу возможность принять участіе въ борьбѣ съ *врагами русскаго народа* и повергаемъ къ стопамъ В. И. Величества просьбу выслушать свободный голосъ русскаго народа, который уже столько разъ давалъ доказательство своей безпредѣльной преданности возлюбленному царю и спасалъ отечество отъ постигавшихъ его бѣдствій.«

Н. Н. Нечаевъ говорилъ: »Общественная мысль, пораженная безпримѣрнымъ злодѣяніемъ, теряется въ усиліяхъ найти вѣрный исходъ и объясненіе совершающагося. Общество томится желаніемъ принять активное участіе въ борьбѣ со страшнымъ призракомъ цареубійства, народъ жаждетъ поставить свою грудь для защиты возлюбленнаго царя. Въ такія тяжелыя минуты, когда возбуждены всѣ общественныя страсти, необходимо услышать трезвую спокойную рѣчь представителей земства...

»Мы слышимъ призывъ къ реакціи, мы слышимъ воззванія къ низменнымъ инстинктамъ массы... Находятся люди, которые даже въ такую страшную минуту не могутъ отвлечься отъ личныхъ интересовъ и ука-

зываютъ на необходимость прекращенія дальнѣйшаго развитія великихъ принциповъ самоуправленія, законности и свободы, забывая, что именно эти начала положенн покойнымъ монархомъ въ основу его великихъ преобразованій... Съ одной стороны мы слышимъ голосъ той партіи застоя, на которую должна пасть большая доля отвѣтственности за все теперь совершающееся, а *изъ-подъ земли* раздается голосъ *анархіи*, — неужели же долженъ молчать народъ, голосъ котораго одинъ только достоинъ проникнуть до царскаго слуха?« Нечаевъ доказывалъ безплодность полицейскихъ мѣръ для »борьбы со зломъ, безъ прямого участія общества.« »Остается другой путь — остается только призвать общество къ дѣятельному участію въ борьбѣ со *зломъ*, и успѣшный исходъ ея тогда не можетъ подлежать сомнѣнію. Это совершенно понятно: полицейская власть имѣетъ дѣло только съ проявленіями злой воли, только съ готовыми плодами той почвы, той ужасной заразы, которая скрывается въ обществѣ и окончательно *искоренить* которую можно только при содѣйствіи всѣхъ общественныхъ силъ.«

Адресы казанской думы и казанскаго земства одинаково выражали одну надежду и одни пожеланія — »завершенія« великаго дѣла обновленія государства, начатаго царемъ освободителемъ; солигаличское уѣздное собраніе выражало желаніе, чтобы новое царствованіе было продолженіемъ великихъ реформъ предшествовавшаго; тверское губернское собраніе, въ своемъ адресѣ, указывало, что »когда бѣда поражала отечество, — въ непосредственномъ единеніи земскихъ людей и верховной власти русскій царь и народъ всегда пріобрѣтали могучую неодолимую силу!«

»Царь и народъ, говорило рязанское земство, — издревле составляли едино; августѣйшій Вашъ родитель еще болѣе объединилъ и оживилъ русскую землю. Соберите насъ вокругъ себя, а мы всегда готовы, по

Вашему велѣнію, дѣлить съ Вами и труды, и опасности. Вѣрьте, Государь, нашей безграничной Вамъ преданности, и враги спокойствія, блага, могущества и славы Россіи исчезнутъ съ лица земли.« Черниговское дворянство, заявляя о своей глубокой преданности престолу, ходатайствовало о созывѣ представителей земли.

Подводя итогъ смыслу вышеприведенныхъ земскихъ заявленій, нельзя не видѣть сразу, что умѣренные земскіе либералы категорически и рѣзко отказываются имѣть что-либо общее съ »анархіей«, »крамолой« и т. д., словомъ, съ партіей »Народной Воли«. Они говорятъ о призваніи народныхъ (чаще *земскихъ*) представителей, но вмѣстѣ съ тѣмъ заявляютъ, что это именно необходимо не для чего другого, какъ для борьбы съ крамолой, для »искорененія« ея. Они ничего не требуютъ, они только просятъ, и иногда даже не рѣшаются просить, ибо это было бы »безтактно«. Наконецъ, они возлагаютъ надежды на верховную власть, которая завершитъ дѣло предыдущаго царствованія. Въ своихъ разсужденіяхъ они строго держатся границъ легальности, установленныхъ для нихъ бюрократіей, и даже не осмѣливаются сказать слово »конституція«, замѣняя его »извѣстными государственными началами« и т. п. Въ этомъ, именно, крылась причина того, что рѣшительный моментъ прошелъ, и настроеніе разрѣшилось чрезвычайной реакціей. Правительство вполнѣ правильно рѣшило, что если земцы предлагаютъ созвать представителей *не для* выраженія и осуществленія *воли народа*, а для борьбы съ крамолой, то лучше ужъ остаться при старыхъ и испытанныхъ средствахъ политической репрессіи, чѣмъ испытывать новое и *сомнительное* средство, предложенное къ тому же едва ли вполнѣ искренно. Такъ какъ общественное движеніе (въ лицѣ земствъ) было явно малосильно, то правительство, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, вступило на путь охраненія коренныхъ началъ государ-

ственнаго строя, и ближайшія 20 лѣтъ показали земству всю ошибочность его политики.

Консервативные органы были правы, когда писали въ 1881 г. о »разбродѣ« общественномъ и политическомъ. При безсознательномъ состояніи народныхъ массъ, при отсутствіи единства въ обществѣ, должна была естественно восторжествовать старая, испытанная система. Хороша ли она была, или нѣтъ, но въ старомъ режимѣ чувствовалась послѣдовательность и организованность. И какъ всегда бываетъ въ моменты, когда происходитъ борьба различныхъ направленій, побѣдило то, на чьей сторонѣ былъ максимумъ фактической силы и организованности. Въ то время, какъ земцы выражались неопредѣленно и двойственно, требованія реакціи были ясны и недвусмысленны. Консервативная печать, съ Катковымъ во главѣ, требовала укрѣпленія устоевъ самодержавія, твердаго правительства и рѣзкихъ мѣръ. »Регулирующее дѣйствіе власти, которое твердый государственный порядокъ оказываетъ на умы, дисциплинируя ихъ, нигдѣ не чувствуется« — писали »Москов. Вѣдомости«; — »люди въ разбродѣ и обращаются въ стадо... Насъ предостерегаютъ отъ революціи, но надо же сказать правду: мы уже въ революціи, искусственной и поддѣльной, но тѣмъ не менѣе въ революціи.«

За укрѣпленіе самодержавія высказались и славянофилы. »Нечего себя обманывать,« говорилъ 28-го марта 1881 г. въ славянскомъ обществѣ И. С. Аксаковъ. »Мы подошли къ самому краю бездны. Еще шагъ въ томъ направленіи, въ которомъ съ такимъ преступнымъ легкомысліемъ мы двигались до сихъ поръ и — кровавый хаосъ.«

Всю отвѣтственность за происшедшее славянофилы возлагали на ту часть общества, которая увлѣкалась идеями ложнаго западнаго либерализма, и, въ частности, на петербургскую бюрократію. »Пора домой« —

заявляли они, и какъ свою политическую программу выставляли укрѣпленіе и охраненіе самодержавія при широкомъ развитіи мѣстнаго самоуправленія. »Самоуправляющаяся мѣстно земля съ самодержавнымъ царемъ во главѣ — вотъ русскій политическій идеалъ.«

IV.

Либеральная печать. Записки маркиза Вѣлепольскаго, Чичерина и Градовскаго. Первоначальное согласіе имп. Александра III на исполненіе проекта Лорисъ-Меликова. Совѣщаніе 8 марта. Парламентъ ген. Баранова въ Петербургѣ. Манифестъ 29-го апрѣля 1881 г. Министерскій кризисъ. Политика гр. Игнатьева. Земскія заявленія и репрессіи.

Либеральные органы печати заявляли о необходимости созыва народнаго представительства.

»Воля Всевышняго совершилась, — писалъ »Порядокъ«, — теперь остается только смириться передъ несокрушимой Волей Провидѣнія и, не вступая съ ней въ тщетную борьбу, посвятить всѣ заботы, чтобы положить прочное основаніе для будущаго. Не о реакціи пагубной надо говорить теперь... Государь! Суровыя мѣры стѣсненія доказали свою непригодность. Спросите вашу Землю въ лицѣ излюбленныхъ людей.«

»Надо, — заявляла »Страна«, — чтобы основныя черты внутреннихъ политическихъ мѣръ внушались представителями русской земли и потому лежали на ихъ отвѣтственности. А личность русскаго царя да служитъ впредь только вполнѣ симпатичнымъ символомъ нашего національнаго единства.«

»Голосъ« указывалъ, съ своей стороны, на необходимость приступить къ продолженію остановленныхъ революціоннымъ движеніемъ реформъ, призывалъ къ содѣйствію общественныя силы.

Но голоса этой печати были заглушены воплями реакціонеровъ, требовавшихъ самаго безпощаднаго истребленія крамолы, причемъ подъ это понятіе подво-

дились и конституціонныя стремленія либеральной части общества. Вопли объ обузданіи слышались въ своеобразной формѣ и изъ умѣренно-либеральныхъ сферъ. Мы уже знаемъ земскія заявленія. Кромѣ того, Лорисъ-Меликову, оставшемуся на посту министра внутр. дѣлъ, поданы были 3 докладныя записки, первая — маркизомъ Вѣлепольскимъ, вторая — проф. Б. Н. Чичеринымъ, третья — проф. Градовскимъ.

Всѣ три записки указываютъ на необходимость сохраненія и укрѣпленія самодержавія; двѣ изъ нихъ рекомендуютъ даже репрессивныя мѣры, но параллельно съ этимъ стараются доказать всю цѣлесообразность развитія началъ децентрализаціи и мѣстнаго самоуправленія, существенную пользу для самой верховной власти даже при законодательныхъ работахъ въ той или другой формѣ прислушиваться къ мнѣнію представителей общества. Вообще же эти записки представляютъ собою остроумныя попытки перевести монарха черезъ завѣтную черту такъ, чтобы самъ онъ этого не замѣтилъ.

Записка маркиза Вѣлепольскаго отъ 6-го марта 1881 г. (на франц. языкѣ) начинается указаніемъ, что внутренняя политика послѣднихъ лѣтъ, политика, состоявшая больше въ приспособленіи къ обстоятельствамъ, нежели въ проведеніи монархическихъ принциповъ, отличалась отсутствіемъ гармоніи и послѣдовательности. »Исторія всѣхъ заговоровъ, — продолжаетъ записка, — какъ старинныхъ, такъ и недавнихъ, доказываетъ, что острые припадки болѣзни, неудержимое стремленіе къ конституціоннымъ вольностямъ — проявляется, по преимуществу, въ нѣкоторыхъ частяхъ имперіи. Въ виду этого, можно сказать, что одна изъ главнѣйшихъ опасностей лежитъ въ современной централизаціи. Эта централизація содѣйствуетъ заразѣ, перенося ея зародыши въ свободныя отъ нея провинціи. Общества мѣстностей, еще незадѣ-

гыхъ и нетронутыхъ, въ меньшей мѣрѣ чувствуя себя политически приниженными, не въ силахъ противопоставить достаточнаго сопротивленія революціоннымъ теоріямъ господствующей національности. Такимъ образомъ, представляются одновременно двѣ необходимости: надо, во-первыхъ, остановить распространеніе этой болѣзни путемъ децентрализаціи, съ другой стороны, энергическое лѣченіе болѣзни всюду, гдѣ она выступаетъ въ остромъ видѣ... Необходимо нанести скорые и сильные удары«... (il faut frapper vite et fort). Высказываясь такимъ образомъ за территоріальное расширеніе мѣстнаго самоуправленія, т.-е., иначе говоря, за распространеніе земскихъ учрежденій на Польшу и Западный Край, записка не скрываетъ однако, что въ будущемъ, при послѣдовательномъ развитіи началъ, ею рекомендуемыхъ, придется прійти къ конституціи: »неограниченность верховной власти можно сохранить до того момента, когда различныя народности имперіи почувствуютъ солидарность и вступятъ во взаимное равновѣсіе, благодаря практикѣ свободныхъ учрежденій въ предѣлахъ соотвѣтствующихъ областей и провинцій. Только тогда онѣ способны будутъ трудиться съ успѣхомъ въ стѣнахъ центральнаго парламента надъ развитіемъ благостоянія всей имперіи.«

Записка Б. Н. Чичерина начинаетъ съ порицанія тѣхъ, кто высказывается за созваніе народнаго представительства. »Тѣ, которые вслѣдъ за катастрофой заговорили о свободныхъ учрежденіяхъ, забыли, что власти необходимо *прежде всего* показать свою энергію, доказать, что она не свернула своего знамени предъ угрозой. Монархическій порядокъ совмѣстенъ со свободными учрежденіями *лишь* тогда, когда они являются плодомъ мирнаго развитія, спокойной иниціативы самой верховной власти... Противъ организованной революціи должна стоять крѣпкая правительственная власть, организаціи можно противопоставить только органи-

зацію. Именно ея-то и нѣтъ въ нынѣшнемъ государственномъ управленіи; въ немъ нѣтъ ни единства руководящей мысли, ни единства дѣйствій... При такомъ отсутствіи системы въ высшемъ управленіи его частное обращеніе къ земству служитъ ему малымъ подспорьемъ... Никакими циркулярами о взаимномъ содѣйствіи тутъ помочь нельзя, ибо когда же циркуляры создавали единство дѣйствія? Единство дается согласіемъ высшей администраціи, одинаковостью направленія всѣхъ министровъ, которые имѣютъ общую программу и видятъ въ ней свою собственную мысль! но у насъ это не только не требуется, но даже считается возможнымъ ввѣрить исполненіе политической мысли тѣмъ лицамъ, которыя ея не раздѣляютъ.« Высказавшись такимъ образомъ за однородное министерство, записка далѣе рѣшительно отвергаетъ примѣнимость народнаго представительства къ русской жизни, въ заключеніе, однако, приходитъ къ тому выводу, что »для образованія однороднаго и единаго правительства нужно сближеніе съ обществомъ... Остается вопросъ, въ какой формѣ произойдетъ это обращеніе къ обществу. Правительство можетъ или вызвать экспертовъ по выбору земскихъ собраній для разсмотрѣнія отдѣльныхъ вопросовъ, или дать выборнымъ лицамъ участіе въ законодательныхъ работахъ государственнаго совѣта. Но правительство должно сказать себѣ заранѣе, что цѣль его состоитъ въ ближайшемъ будущемъ въ созданіи такого законодательнаго органа, который, не стѣсняя верховной власти, давалъ бы ей возможность узнавать о положеніи страны не изъ мертвыхъ донесеній, а изъ живого обмѣна мыслей администраціи и общества. Вызовъ экспертовъ можетъ быть только шагомъ къ переустройству государственнаго совѣта. На этой формѣ можно остановиться на долгое время.«

Такимъ образомъ, Чичеринъ приходилъ къ выводамъ, которые уже намѣчены были въ проектѣ Лорисъ-Меликова.

Что касается Градовскаго, то онъ рѣшительно высказывается за сохраненіе самодержавія, но столь же рѣшительно говоритъ противъ репрессій, съ одной стороны, и системы частичнаго улучшенія нашего общественнаго быта — съ другой. »Правительство«, пишетъ онъ, — »должно изучить причину смутъ, прежде чѣмъ принять рѣшительный шагъ въ ту или иную сторону. Это необходимо сдѣлать теперь же, время не ждетъ, и бѣда надвигается со всѣхъ сторонъ.« Съ своей стороны авторъ изъявляетъ готовность »всемѣрно помогать общему дѣлу, высказывать правду такъ, какъ онъ ее понимаетъ, но для этого,« — прибавляетъ онъ, — »нужна увѣренность, что правду эту выслушаютъ.« Смыслъ его пожеланій заключался въ необходимости созвать народныхъ представителей »для изученія причинъ смуты.«

Въ виду самыхъ разнорѣчивыхъ пожеланій общественныхъ группъ, правительство оставило открытымъ вопросъ внутренней политики. Приняты были лишь самыя энергичныя мѣры противъ революціоннаго движенія, причемъ процессъ т. н. »цареубійцъ« закончился казнью пяти человѣкъ (Софьи Перовской, Желябова, Т. Михайлова, Кибальчича и Рысакова).

Говорятъ, что когда Лорисъ-Меликовъ прибылъ въ Зимній дворецъ и спросилъ имп. Александра III о дальнѣйшемъ движеніи подписаннаго уже указа о совѣщательной комиссіи представителей и правительственнаго сообщенія о томъ же, то получилъ благопріятный отвѣтъ.

Въ виду этого графъ Лорисъ-Меликовъ 6-го марта 1881 г. внесъ въ государственный совѣтъ слѣдующее предложеніе:

»Вступивъ на прародительскій престолъ, имп. Александръ III обрѣлъ въ завѣщанной ему предками любви къ народному благу великую рѣшимость твердо

слѣдовать по пути, предуказанному въ Бозѣ почившимъ незабвеннымъ родителемъ.

»Усматривая въ нелицемѣрныхъ проявленіяхъ всенародной скорби вящшее доказательство неразрывной сердечной связи, всегда соединявшей въ Россіи государя съ его подданными и всегда проявлявшейся съ особою въ тяжкія годины испытаній силой, г/с. имп. Александръ III, при указаніи на необходимость неуклоннаго преслѣдованія дерзкихъ покусителей на государственный порядокъ и общественное спокойствіе, всемилостивѣйше соизволилъ выразить, что гнусныя злодѣянія преступной горсти безумныхъ отверженцевъ русской земли не въ силахъ побороть въ его сердцѣ рѣшимости исполнить въ точности родительскій завѣтъ любви на благо ввѣренной ему Богомъ имперіи. Руководясь такимъ рѣшеніемъ, Его Императорское Величество Высочайше соизволилъ повелѣть принять къ точному исполненію *изложенную выше* священную волю своего державнаго родителя, какъ достойное всей его жизни прощаніе его со своимъ народомъ. При этомъ Его Величеству благоугодно было указать министру внутреннихъ дѣлъ, чтобы самый порядокъ опубликованія во всеобщее свѣдѣніе Высочайшаго по сему предмету повелѣнія былъ тотъ же, какой предуказанъ въ Бозѣ почившимъ императоромъ Александромъ II.«

»Воля императора Александра II«, о которой говорится въ предложеніи Лорисъ-Меликова государственному совѣту, была именно утвержденнымъ уже и предназначеннымъ къ обнародованію проектомъ о привлеченіи выборныхъ отъ земствъ и городовъ къ законосовѣщательной дѣятельности.

8-го марта было созвано особое совѣщаніе по вопросу объ исполненіи воли имп. Александра II. Большинство (9 министровъ) высказалось за продолженіе и опубликованіе работъ по рѣшенному уже и утвержденному при имп. Александрѣ II вопросу. Меньшинство изъ

5 (приглашенныхъ »ad hoc«) лицъ было противъ. Совѣщанія министровъ продолжались подъ руководствомъ Лорисъ-Меликова. Но власть ускользала уже изъ его рукъ. Реакціонныя сферы дѣлали свое дѣло энергично.

Нельзя не отмѣтить своеобразной попытки введенія представительства при петербургскомъ градоначальникѣ. Назначенный послѣ 1-го марта градоначальникомъ, Н. Н. Барановъ очень оригинально понялъ заявленія о необходимости представительства для борьбы съ крамолой. Буквально для этой цѣли предложилъ онъ населенію Петербурга избрать 25 депутатовъ въ совѣтъ при градоначальникѣ для содѣйствія столичныхъ жителей градоначальнику въ борьбѣ съ крамолой. Избиратели должны были въ извѣстный день и часъ находиться дома, а чины столичной полиціи, обходя квартиры, собирали голоса. И все же, кажется, результаты этого своеобразнаго голосованія вышли довольно неожиданные для Баранова. Во всякомъ случаѣ, высшая власть вполнѣ правильно поступила, прекративши эту комедію представительства. Баранова перевели губернаторомъ въ Архангельскъ. »Совѣтъ« такъ и не собрался ни разу, получивъ отъ остроумцевъ имя »бараньяго парламента«.

Къ концу апрѣля настроеніе въ высшихъ сферахъ выяснилось. 27-го апрѣля еще шло совѣщаніе у Лорисъ-Меликова о его проектѣ, а утвержденный экземпляръ Высочайшаго манифеста былъ уже врученъ министру юстиціи. 28-го апрѣля Лорисъ-Меликовъ *), а 29-го — вся Россія узнала объ окончательномъ рѣшеніи вопроса, поставленнаго на очередь. Имп. Александръ III торжественно возвѣщалъ народу въ своемъ манифестѣ:

»Посреди великой Нашей скорби Гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло правленія, въ упо-

*) Говорятъ, что Лорисъ-Меликовъ, услыхавъ о манифестѣ, воскликнулъ: „Это—измѣна“.

ваніи на Божественный Промыселъ, съ вѣрою въ силу Нашей и *самодержавной* власти, которую Мы призваны *утверждать* и *охранять* для блага народа отъ *с-явкихъ* на нее поползновеній.«

Это было категорическое и не допускающее никакихъ сомнѣній заявленіе верховной власти о томъ, что *никакое* посягательство на умаленіе ея или частичную передачу ея въ руки представительства не будетъ допущено, будетъ ли оно исходить отъ крайней партіи или изъ среды лицъ умѣреннаго направленія, будетъ ли оно обосновываться идеологически или же исходить изъ соображеній удобства управленія. Основной вопросъ русской жизни, такъ настойчиво подымавшійся неоднократно съ 50-хъ годовъ, — былъ рѣшенъ надолго и, по внѣшности, безповоротно.

Но общественное движеніе было еще сильно, и, не смотря на отсутствіе въ немъ единства, заставляло правительство изыскать форму, при которой можно бы было, не измѣняя основного принципа, удовлетворить до нѣкоторой степени требованія населенія.

Естественно, что путь созыва выборныхъ представителей былъ отвергнутъ, какъ ведущій, въ концѣ концовъ, къ конституціи; но рѣзкій переходъ къ полному подавленію земства, противорѣчащаго по своимъ основамъ принципу неограниченной власти, и къ усиленію начала правительственнаго — былъ, по многимъ причинамъ, невозможенъ. Рѣшено было, поэтому, попытать третій путь, средній, который позволилъ бы совмѣстить основной принципъ съ его противорѣчіями. Поэтому избранъ былъ лозунгъ славянофиловъ: »самоуправляющаяся мѣстно земля съ самодержавнымъ царемъ во главѣ.«

Вполнѣ понятно, что послѣ крушенія своей политики и обнародованія манифеста 29 апр. 1881 г. Лорисъ-Меликову оставалось лишь выйти въ отставку. Одновременно произошло небывалое въ средѣ русской бюро-

кратіи событіе — выходъ въ отставку не только перваго (по значенію) министра, но и его »кабинета«.

Вслѣдъ за Лорисъ-Меликовымъ покинули свои посты А. А. Абаза, Д. А. Милютинъ, позже Сабуровъ.

Вновь назначенный министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Н. П. Игнатьевъ издалъ циркуляръ, въ которомъ излагалась правительственная программа. Въ ней высказано было осужденіе бюрократіи »за небрежное исполненіе своихъ обязанностей и равнодушіе къ общему благу,« за »корыстное отношеніе къ государственному и общественному достоянію« и заявлялось, что правительство будетъ »стремиться, при вѣрномъ всѣхъ служеніи и содѣйствіи, къ осуществленію на самомъ дѣлѣ того, что положено въ основу дарованныхъ имп. Александромъ II учрежденій,« и что »оно приметъ безотлагательныя мѣры, чтобы установить правильные способы, которые обезпечивали бы наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія высочайшихъ предначертаній.«

Земства немедленно же откликнулись на заявленіе гр. Игнатьева. Новгородская губернская управа, войдя по предложенію губернатора въ обсужденіе циркуляра 6-го мая на предметъ содѣйствія пожеланіямъ циркуляра, доложила въ дек. 1881 г. губ. собранію сущность постановленій уѣздныхъ собраній по этому поводу, и отъ себя добавляла, что необходимо »съ полною искренностью заявить правительству, что земство при настоящихъ условіяхъ своей дѣятельности не можетъ принять участіе въ борьбѣ правительства съ противообщественными элементами и въ преслѣдованіи задачъ, намѣченныхъ въ циркулярѣ«, что вопросъ о содѣйствіи можетъ »получить правильное разрѣшеніе лишь при участіи въ его разсмотрѣніи уполномоченныхъ отъ земскихъ учрежденій, выбранныхъ земствомъ спеціально для этой цѣли.«

Собраніе въ обсужденіе вопроса по существу не вошло, выразивъ увѣренность, что »правительство, строго слѣдуя началамъ манифеста 29-го апрѣля, безотлагательно установитъ правильные способы, которые обезпечатъ наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія высочайшихъ предначертаній.«

Въ запискѣ, представленной въ Череповецкое уѣздн. собраніе, гл. Н. Ѳ. Румянцевъ, подробно разсмотрѣвъ ходъ и судьбы реформъ Александра II, приходитъ къ слѣдующему заключенію:

»Созывъ выборныхъ отъ народа, въ качествѣ совѣщательнаго органа самодержавной власти государя по вопросамъ законодательнымъ, представляется намъ, какъ единственный правильный путь, которымъ нужды, страданія и желанія всей земли могли бы достигать чистыми къ престолу; это единственный путь, устраняющій тѣ компромисы, которые погубили реформы прошлаго царствованія, — единственный путь, который способенъ дать должную гарантію законности и личной свободы вѣрноподданныхъ, единственное средство очистить государственное и общественное самоуправленіе отъ хищеній, неправды и бездѣйствія, исцѣлить общество отъ апатіи и совокупными силами всей земли разсѣять крамолу.«

Собраніе согласилось съ Н. Ѳ. Румянцевымъ, но »не рѣшилось войти въ разсмотрѣніе вопроса по существу, ибо откровенное по этому дѣлу мнѣніе можетъ обезпокоить высшее правительство, въ послѣднее время достаточно озабоченное уже тѣмъ, чтобъ удерживать органы печати, рядомъ карательныхъ мѣръ, отъ свободнаго выраженія мнѣній, безъ чего всѣ наши разсужденія о содѣйствіи не могутъ имѣть никакихъ послѣдствій.«

Положеніе печати было дѣйствительно тяжко въ 1881 г. Наравнѣ съ борьбой противъ революціонеровъ

(причемъ всѣ исключительныя мѣры были кодифицированы въ видѣ положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ 6-го сентября 1881 г.*) начато было энергичное преслѣдованіе печатнаго слова. Мѣры противъ печати были также вскорѣ объединены въ видѣ »временныхъ правилъ 1882 г.«

Также и земству не было позволено разсуждать о созывѣ представителей и т. п. вопросахъ, не соотвѣтствовавшихъ правительственной программѣ и выходившихъ изъ рамокъ, установленныхъ бюрократіей для земства. Поводъ къ этому подало тверское губ. собраніе, которое въ засѣданіи 23-го іюня 1881 г. пришло къ заключенію, что »никакія, какъ частныя, такъ и общія мѣропріятія и реформы не могутъ достигнуть цѣли, поставленной властью, безъ предварительнаго разсмотрѣнія этихъ реформъ выборными представителями всей Русской земли. Поэтому собраніе постановило ходатайствовать передъ правительствомъ о созывѣ представителей Русской земли въ особое совѣщательное учрежденіе, при содѣйствіи котораго только и могутъ быть успѣшно выработаны и переведены въ жизнь необходимыя законодательныя мѣры.«

Министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ мѣстному губернатору оставить постановленіе безъ дальнѣйшаго производства, какъ выходящее изъ круга подвѣдомственныхъ земскому собранію дѣлъ и потому недѣйствительное.

Одновременно были приняты мѣры къ предотвращенію возбужденія того же вопроса въ другихъ собраніяхъ. Открывая 9-го іюля 1881 г. чрезвычайное губ. собраніе, владимирскій губернаторъ обратился къ нему

---

*) Этотъ замѣчательный трудъ принадлежалъ перу извѣстнаго государственнаго дѣятеля В. К. Плеве.

съ совершенно необычной рѣчью: »Я вполнѣ надѣюсь, сказалъ онъ, — что собраніе не выйдетъ изъ предѣловъ программы и предоставленныхъ ему правъ и обязанностей.« Владимирское земское собраніе оправдало надежду губернатора, но другія собранія поступали иначе.

Такъ, чрезвычайное харьковское губернское собраніе, по поводу проекта преобразованія крестьянскихъ учрежденій, ходатайствовало, чтобы для окончательнаго рѣшенія этихъ собраній былъ созванъ особый съѣздъ, въ составъ котораго вошли бы какъ лица правительственныя, такъ и депутаты отъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній. Череповецкое уѣздное земское собраніе единогласно рѣшило, что »разрѣшеніе вопросовъ, возбужденныхъ переустройствомъ мѣстныхъ управленій, не фанатическое, а основанное на дѣйствительныхъ потребностяхъ и бытовыхъ условіяхъ страны, возможно будетъ лишь тогда, ... когда представители всѣхъ земствъ получатъ возможность объединить и согласить .....заключенія отдѣльныхъ земствъ... Если окончаніе разработки этого вопроса будетъ возложено на бюрократическіе органы правительства, то весьма вѣроятно, что вниманіе будетъ обращено на тѣ изъ рѣшеній, которыя ближе подходятъ ко вкусамъ и взглядамъ этихъ органовъ, а не большинства земствъ.«

Мы уже говорили о репрессіяхъ, которыми правительство стремилось остановить неугодныя ему заявленія. Нельзя не отмѣтить того, что »по указанію свыше, губернаторы, вопреки 9, 64, 76 ст. Полож. о зем. учрежд., стали собственной властью признавать заключенія земскихъ собраній недѣйствительными и не подлежащими дальнѣйшему производству«, а печати было воспрещено »опубликованіе безъ разрѣшенія губернскаго начальства постановленій общественныхъ собраній подъ угрозой пріостановки изданія на 5 мѣсяца.«

V.

„Земскіе свѣдущіе люди“ и заявленія земствъ. Карикатурные проекты Земскаго Собора. Призваніе къ власти гр. Д. А. Толстого. Конституціонныя тенденціи земствъ. Крушеніе партіи „Народной Воли“. Нарожденіе русской соціалъ-демократіи. „Группа освобожденія труда“.

Для удовлетворенія особенно сильно ощущавшейся потребности въ полученіи свѣдѣній не канцелярскимъ путемъ, а отъ людей освѣдомленныхъ въ мѣстныхъ дѣлахъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желая этимъ суррогатомъ совѣщательнаго органа изъ представителей общества при центральномъ правительствѣ удовлетворить настойчивыя заявленія земствъ о необходимости созыва представителей народа, гр. Н. П. Игнатьевъ рѣшилъ вызвать »земскихъ свѣдущихъ людей«, по своему выбору, для »составленія предположеній о способахъ пониженія выкупныхъ платежей.« Кромѣ того, по тому же вопросу, министръ внутреннихъ дѣлъ поручилъ уѣзднымъ земскимъ управамъ собраніе свѣдѣній, нужныхъ для разрѣшенія этого вопроса, причемъ было указано, что »главная причина, вслѣдствіе которой обращаются къ земству, состоитъ въ томъ, что необходимъ матеріалъ, собранный вполнѣ добросовѣстно и точно, безъ всякой предвзятой мысли.«

Въ первый разъ были созваны »свѣдущіе люди въ числѣ 12 чел., въ томъ числѣ и авторъ харьковскаго адреса 1879 г. проф. Гордѣенко. Осенью были вызваны 35 чел. свѣдущихъ людей (второго призыва), изъ коихъ большинство не занимало никакихъ выборныхъ должностей; одиннадцать человѣкъ пользовались болѣе или менѣе широкой извѣстностью, какъ литературные и общественные дѣятели (Колюпановъ, Е. С. Гордѣенко, Е. Марковъ, Д. Самаринъ, князь А. Щербатовъ); былъ даже одинъ крестьянинъ. Свѣдущіе люди разсматри-

вались не какъ техники, спеціально знакомые съ даннымъ вопросомъ, а какъ представители различныхъ группъ и слоевъ общества. Открывая второе совѣщаніе, Игнатьевъ сказалъ: »Земскіе свѣдущіе люди приглашаются для того, чтобы самые жизненные вопросы страны не были рѣшаемы безъ выслушанія мѣстныхъ дѣятелей, хорошо знакомыхъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла.«

Вызовъ свѣдущихъ людей не встрѣтилъ никакого сочувствія среди земскихъ дѣятелей. Наоборотъ, двѣнадцать земскихъ собраній (Херсонское, Владимирское, Новгородское, Псковское, Харьковское, Казанское, Полтавское, Костромское, Петербургское, Калужское, Бессарабское и Смоленское) заявили ходатайства, чтобы къ участію въ законодательной дѣятельности земскіе люди приглашались не въ отдѣльныхъ случаяхъ и не по назначенію отъ правительства, а постоянно и по выбору земствъ. Несомнѣнно, что число ходатайствъ было бы и больше, если бы не предупредительныя мѣры. Такъ предсѣдатель самарскаго земскаго собранія не допустилъ чтенія проекта ходатайства, послѣ чего собраніе въ видѣ протеста разъѣхалось.

Въ новгородскомъ губернскомъ собраніи гл. Е. И. Рагозинъ вполнѣ правильно указывалъ, что »свѣдущіе люди« — вовсе не земскіе, и представляютъ собою фиктивное земское представительство, что можетъ вести только къ недоразумѣніямъ. Передача проектовъ на обсужденіе земскихъ собраній казалась ему все же лучше, чѣмъ обсужденіе вопросовъ »свѣдущими людьми«.

Смоленское собраніе 25-го января 1882 г. ходатайствовало о томъ, чтобы, если правительству будетъ угодно призвать земство для выслушанія его мнѣній, то представители земства указывались каждый разъ губернскими земскими собраніями. Вызываемыя лица только въ томъ случаѣ могутъ выражать мнѣніе земства, когда они имъ на то уполномочены. Затѣмъ въ

ходатайствѣ содержалась просьба, чтобы при такомъ вывозѣ свѣдущихъ людей по выбору ни одна губернія не была устраняема отъ участія въ этомъ совѣщаніи.

Петербургское губернское земское собраніе высказалось, что работы по крестьянскому вопросу могутъ быть всесторонне и успѣшно разработаны путемъ совѣщанія лицъ, избранныхъ земствами всей имперіи; собраніе было глубоко убѣждено »въ той несомнѣнной пользѣ, которую принесло бы благосостоянію петербургской губерніи привлеченіе избранныхъ самимъ земствомъ представителей къ участію въ законодательной разработкѣ« этого вопроса, »а также предоставленіе этимъ, избраннымъ земствами, лицамъ возможности обсуждать общіе вопросы земскаго хозяйства совмѣстно съ представителями другихъ земствъ имперіи.«

Подводя итоги земскимъ заявленіямъ, мы видимъ, что всего, въ той или иной формѣ, за созывъ представителей народа (чаще земства) высказалось семнадцать изъ тридцати пяти земскихъ собраній. Сюда нужно добавить заявленія дворянскихъ собраній (петербургскаго и черниговскаго), городскихъ думъ (череповецкой и казанской), а также (позже) рѣчь московскаго городского головы Б. Н. Чичерина на обѣдѣ представителей городовъ во время коронаціи въ 1883 году.

Несомнѣнно, что заявленій этихъ было мало, чтобы заставить правительство пойти на уступки. Правда вопросъ о земскомъ соборѣ, по рецепту славянофиловъ, былъ возбужденъ въ высшихъ сферахъ въ началѣ 1882 г. По иниціативѣ Игнатьева былъ приглашенъ П. Д. Голохвастовъ для разработки вопроса о земскомъ соборѣ. Въ высшихъ сферахъ боролись два теченія; съ одной стороны были Игнатьевъ, М. Д. Скобелевъ, Голохвастовъ, поддерживаемые въ печати И. Аксаковымъ; съ другой К. П. Побѣдоносцевъ, оказавшій уже сильное вліяніе на рѣшеніе коренного политическаго вопроса, Д. А. Толстой, и вообще большинство высшей

бюрократіи, съ своимъ идеологомъ Катковымъ въ области печати. Одно время (въ началѣ марта 1882 г.) теченіе стоявшее за соборъ было даже сильнѣе. Хотя, съ нашей точки зрѣнія, разница между Игнатьевымъ и Толстымъ была небольшая. Первый говорилъ о довѣріи къ земству, и тѣснилъ его, а второй — ничего не говорилъ, но тѣснилъ еще болѣе и помышлялъ даже уничтожить земство. Интересно, для чего нуженъ былъ, по мнѣнію Игнатьева, соборъ? Созвать землю во время нужно для того, чтобы не дать накопляться »искрѣ непотушеннаго дѣла революціоннаго«, чтобы соборъ »какъ во время оно былъ, такъ и впередъ остался естественной связью межъ царя и земли и вѣрнымъ имъ обоимъ оплотомъ ото всякихъ *записей*.« »Не конституція, не вторичное подражаніе Европѣ: не ограниченіе юридическое«... Просто царь долженъ *сказать* въ Москвѣ на соборѣ всякихъ чиновъ людямъ: »1) про нерушимость вовѣки власти царской, самодержавной; и что никто смутьяновъ не подкупаетъ, не подсылаетъ на царя, а что *сами собой* заводятся они отъ нехристіанскаго воспитанія да отъ непутнаго ученія, и про строгости съ ними впредь; 2) про незыблемость земли, какъ общинной отъ крестьянъ, такъ и господской или чьей бы и отъ кого бы то ни было; 3) про устройство ссудъ крестьянамъ подъ земли, покупаемыя лично или общиною, причемъ переселеніе станетъ вовсе почти не надобно; 4) про обязательность выкупа, про оброчныя и душныя льготы, но которыя всѣ ни къ чему, буде не прекратить пьянства,« и долженъ *посовѣтоваться* — на первомъ соборѣ о томъ, какъ прекратить пьянство, а на второмъ »объ устройствѣ волостныхъ и уѣздныхъ порядковъ.«

Итакъ, первый русскій земскій соборъ и »представители земли« должны были быть собраны для бесѣды о пьянствѣ! Съ *совѣщательнымъ* голосомъ!... Для начала это было недурно. Интересна въ вышеприведен-

номъ разсужденіи программа соціальная, какъ часть »народной политики«, проводившейся Игнатьевымъ и унаслѣдованной имъ отъ Лорисъ-Меликова.

Но даже жалкимъ проектамъ Игнатьева не суждено было осуществиться. Вскорѣ политика колебаній кончилась, и Катковъ провозгласилъ: »Встаньте, правительство идетъ!«

Игнатьевъ и его якобы славянофильскія затѣи были сданы въ архивъ. Къ власти (на постъ министра внутреннихъ дѣлъ) призванъ былъ Д. А. Толстой. И возвращеніе этого человѣка къ власти само по себѣ было уже декларацiей новаго курса. Это обозначало, что всякіе опыты съ соборами и тому подобными сомнительными по результатамъ планами — прекращены; что государственная политика возвращается на старый испытанный путь. Отнынѣ основой внутренней политики становится охраненіе извѣстнаго политическаго принципа и борьба со всѣмъ, что могло бы ему повредить, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ. Причина окончательнаго разрыва съ политикой опытовъ приспособленія стараго строя къ новымъ началамъ заключалась, какъ мы уже указали выше, въ томъ, что въ обществѣ не было достаточно элементовъ способныхъ настоять на осуществленіи своихъ идеаловъ. Рѣшеніе вопроса зависѣло, какъ мы упоминали, отъ земствъ. Земства же выступили съ заявленіями, которыя содержали уже не однѣ общія идеи, какъ дворянскія заявленія 1858-63 годовъ, но опредѣленныя требованія. »Сущность земскихъ заявленій«, — свидѣтельствуетъ земскій историкъ этого момента г. Скалонъ, — »сводилась къ желанію, чтобъ общественной дѣятельности былъ открытъ болѣе широкій просторъ, чтобъ отношеніе правительства къ обществу сдѣлалось болѣе довѣрчивымъ, чтобы общественнымъ представителямъ было предоставлено участіе въ разработкѣ жизненныхъ законодательныхъ вопросовъ. Далѣе этого скромнаго желанія земскія собранія не шли«...

Даже самые крайніе изъ нихъ, объединенные въ »Земскій Союзъ«, предпочитали политику взятія »измором« бюрократіи. Интересно, какъ въ борьбѣ съ бюрократіей, не стѣснявшейся въ средствахъ для борьбы съ земскимъ движеніемъ, земцы упорно и старательно удерживались на почвѣ легальности, въ предѣлахъ отведенныхъ имъ той же бюрократіей. Однако — безсильное измѣнить политическое положеніе — земство показало, что въ немъ таятся вредныя для бюрократическаго принципа тенденціи, что въ удобный моментъ земскія собранія снова могутъ, говоря языкомъ »Московскихъ Вѣдомостей«, стать »театромъ конституціонныхъ сатурналій«. И это рѣшило, въ принципѣ, судьбу земствъ, какъ и вообще всего, что противорѣчило бюрократическому принципу.

Прежде чѣмъ упомянуть коротко о развитіи конституціонныхъ идей въ царствованіе имп. Александра III, мы упомянемъ вкратцѣ объ эволюціи взглядовъ крайнихъ партій въ политическомъ вопросѣ. Мы видѣли уже, что въ 1879 г. значительная часть передовой интеллигенціи силою жизни была приведена къ пониманію крупнаго значенія политическихъ формъ для свободнаго развитія соціальныхъ теорій и болѣе легкаго ихъ осуществленія. Но исторія показала, что путь избранный этой фракціей, путь диктаторіальный, безъ широкой поддержки массъ, не ведетъ къ успѣху. Это отсутствіе сознательности и сочувствія въ массахъ было большей причиной разгрома партіи »Народной Воли«, нежели правительственныя репрессіи. Восьмидесятые годы, когда обнаружилось безсиліе средствами одной только героической личности завоевать новый, лучшій строй жизни, были годами крушенія старыхъ идеаловъ, годами разочарованій и жадныхъ поисковъ новаго слова. И можно сказать, что не одно только внѣшнее давленіе способствовало крушенію упомянутой фракціи, — внѣшняго давленія было не меньше и до того, — крушеніе это имѣло основной причи-

ной то обстоятельство, что фракція была приведена жизнью къ сознанію неправильности, какъ своей теоріи, такъ и практики. И въ этомъ именно лежитъ причина тягостныхъ переживаній, выразившихся у однихъ въ отчаяніи, у другихъ въ апатіи и даже ренегатствѣ, у третьихъ въ безпощадной самокритикѣ и исканіи новыхъ путей.

Этотъ моментъ крайне интересенъ для насъ нарожденіемъ идеологической группы, которой удалось впослѣдствіи завоевать себѣ почетное мѣсто въ жизни. Новое направленіе получило въ литературѣ названіе марксизма, и именно ортодоксальнаго марксизма. Происхожденіе этой идеологической группы (вначалѣ крайне малочисленной) — таково: жизнь подтвердила правильность воззрѣній группы »Чернаго передѣла« о значеніи сочувствія и участія массъ въ стремленіяхъ къ новому и лучшему строю жизни, но вмѣстѣ показала все значеніе государственной организаціи и политической работы *внутри* государства и *черезъ посредство* государства и преимущество этой работы надъ стремленіями къ уничтоженію государства. Теоретикъ новой, нарождавшейся группы, принадлежавшій прежде къ народникамъ, отрицавшимъ въ корнѣ политическую дѣятельность, извѣстный въ литературѣ, какъ Бельтовъ (Георгій Валентиновичъ Плехановъ), въ своей книгѣ, посвященной вопросу о должномъ соотношеніи соціальнаго и политическаго элемента въ программѣ новой группы, подвергъ анализу всѣ предшествовавшія программы. Онъ указалъ на доказанную жизнью ошибочность прежнихъ противогосударственныхъ и соціальныхъ теорій Прудона и Бакунина, но вмѣстѣ и на чрезмѣрное увлеченіе значеніемъ государственной власти, существовавшее въ средѣ только что потерпѣвшей крушеніе »Народной Воли«. Послѣдняя группа, по мнѣнію Плеханова, готова была, ради мнимыхъ интересовъ политической дѣятельности, идти на

компромиссъ съ либерально-буржуазными группами. Такъ, напр., одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей упомянутой группы (Желябовъ) заявлялъ, что идеалъ и ближайшая цѣль ихъ дѣятельности представлялась ему не въ видѣ »исключительно освобожденія крестьянъ или даже рабочаго сословія, а въ видѣ политическаго возрожденія всего русскаго народа вообще.« Словомъ, по мнѣнію Плеханова, революціонная частность заслоняла у народовольцевъ собою общую задачу. Въ отличіе отъ обѣихъ фракцій 1879—1882 г., Плехановъ ставилъ основой программы ученіе Карла Маркса, а въ основу практической дѣятельности полагалъ программу нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ. Онъ находилъ, что Россія вступила уже въ періодъ капиталистическаго развитія, причемъ капитализмъ породилъ свое противорѣчіе въ видѣ пролетаріата. Такимъ образомъ, были налицо всѣ данныя для того, чтобы имѣть право и возможность въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ опираться не на фикцію о прирожденныхъ соціальныхъ идеалахъ русскаго крестьянина, а на реальную почву интересовъ рабочаго класса.

Группа, съ Плехановымъ во главѣ, состоявшая изъ бывшихъ народниковъ, приняла имя »группы освобожденія труда«, характеризуя этимъ названіемъ свою цѣль. Программа этой соціалъ-демократической группы была слѣдующая.

Передовой интеллигенціи пришлось стать во главѣ современнаго освободительнаго движенія, прямой задачей котораго должно быть созданіе свободныхъ политическихъ учрежденій въ нашемъ отечествѣ, причемъ марксисты, съ своей стороны, должны стараться доставить рабочему классу возможность активнаго и плодотворнаго участія въ будущей политической жизни Россіи.

Первымъ средствомъ для достиженія этой цѣли должна быть агитація въ пользу демократической конституціи, обезпечивающей:

1) Право быть избирателемъ и избираемымъ, какъ въ законодательное собраніе, такъ и въ провинціальные и общинные органы самоуправленія всякому гражданину, не приговоренному судомъ за извѣстныя, строго опредѣленныя закономъ, *позорныя* дѣйствія къ потерѣ политической правоспособности.

2) Опредѣленную закономъ денежную плату народнымъ представителямъ, позволяющую выбирать ихъ изъ бѣдныхъ классовъ населенія.

3) Неприкосновенность личности и жилища гражданъ.

4) Неограниченную свободу совѣсти, слова, печати, собраній и ассоціацій.

5) Свободу передвиженія и занятій.

6) Полную равноправность всѣхъ гражданъ, независимо отъ религіи и племенного происхожденія.

7) Замѣну постояннаго войска всеобщимъ вооруженіемъ народа.

8) Пересмотръ всего гражданскаго и уголовнаго законодательства, уничтоженіе сословныхъ подраздѣленій и наказаній, несовмѣстимыхъ съ достоинствомъ человѣка.

Что касается объединенія рабочаго класса, то таковое имѣло цѣлью дѣятельность для достиженія вышеуказанной цѣли, а потомъ, по достиженіи ея, существованіе въ качествѣ обособленной политической партіи, стремящейся къ осуществленію основного соціальнаго идеала.

Такова была программа новой группы, которая могла приступить къ практической дѣятельности въ широкомъ смыслѣ слова лишь черезъ 10—12 лѣтъ. Какъ мы видимъ, группа порвала безповоротно съ противогосударственными и утопическими теоріями 60—70-хъ годовъ, и готова была дѣйствовать *на* государство и *посредствомъ* государства для достиженія цѣлей и защиты интересовъ того общественнаго слоя, представителемъ идеаловъ котораго группа являлась (т.-е. рабочаго класса).

VI.

Государственная дѣятельность имп. Александра III. Гр. Д. Толстой и земство, земская контръ-реформа 1890 г. и ея сущность. Голодъ 1891 г. Партія „Народнаго права“. „Основной государственный уставъ“ (1894 г.). Земскіе адресы 1894-5 г. и ихъ политическая программа. Отвѣтъ земствамъ (17-го января 1895 г.) и начало современнаго періода русской исторіи.

Восьмидесятые годы (считая и первую половину девяностыхъ) наполнены дѣятельностью, направленной къ устраненію всего противорѣчащаго или могущаго противорѣчить охраненію коренного государственнаго принципа, которое стало основой государственной политики. Перечислимъ вкратцѣ главнѣйшія мѣропріятія этихъ тринадцати лѣтъ, имѣвшія цѣлью охраненіе политическаго принципа. Это были: манифестъ 29-го апрѣля 1881 г. о неуклонномъ охраненіи самодержавія; положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранѣ 14-го августа 1881 г.; временныя правила о евреяхъ, установившія черту осѣдлости, 1882 г.; временныя правила о печати 1882 г., создавшія современное ея положеніе; университетскій уставъ 1-го августа 1884 г., отмѣнившій уставъ 1863 г., преобразованіе военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса; правила о народныхъ библіотекахъ-читальняхъ; воспрещеніе выдачи разныхъ книгъ и журналовъ въ публичныхъ библіотекахъ; учрежденіе церковно-приходскихъ школъ; созданіе »близкой къ народу, твердой правительственной власти« въ видѣ земскихъ начальниковъ; измѣненіе судебныхъ уставовъ, въ части, касающейся суда присяжныхъ, и уничтоженіе (за немногими исключеніями) выборнаго мирового суда (1889 г.); созданіе новаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ (1890 г.) и новаго городового положенія (1892 г.), и наконецъ самыя строгія преслѣдованія крайнихъ партій. Перечень этотъ, конечно, далеко не полонъ. Мы коснемся, вкратцѣ, преобразованія земскихъ

учрежденій, имѣвшаго цѣлью уничтожить возможность оппозиціи правительственнымъ мѣропріятіямъ, всегда проявлявшейся въ земствѣ. Гр. Д. А. Толстой получилъ названіе »министра борьбы«, и дѣйствительно былъ таковымъ. Онъ стремился искоренить не только остатки партіи »Народной Воли«, пришедшей въ крайній упадокъ отъ идейнаго кризиса въ своей средѣ и репрессій власти, но также и политическую тенденцію въ земствѣ. Всякія ходатайства о разрѣшеніи земскихъ съѣздовъ и объ участіи таковыхъ въ обсужденіи законопроектовъ категорически отклонялись. Былъ возбужденъ вопросъ о томъ, чтобы въ засѣданіяхъ земскихъ собраній присутствовали лица прокурорскаго надзора, на обязанности которыхъ было бы возложено останавливать возбужденіе и обсужденіе вопросовъ, закономъ не разрѣшенныхъ.

Въ 1884 г. новгородскій губернаторъ докладывалъ государю о систематической оппозиціи правительству Череповецкаго земства. Высочайше утвержденнымъ 7-го іюня 1888 г. положеніемъ комитета министровъ предоставлено было министру внутреннихъ дѣлъ на три года возложить на правительственную комиссію обязанности и полномочія, входящія въ кругъ вѣдомствъ уѣздной земской управы и представительства мѣстнаго земства въ уѣздныхъ учрежденіяхъ. Члены управы были сосланы въ административномъ порядкѣ на 5 лѣтъ въ Архангельскую губернію.

Положеніе, созданное неудовлетвореніемъ самыхъ естественныхъ и самыхъ благихъ по своимъ намѣреніямъ стремленій земства, повело къ нѣкоторому упадку земскаго дѣла въ зависимости отъ охлажденія къ земскому дѣлу многихъ земскихъ дѣятелей.

Д. А. Толстой, подъ предлогомъ, что земство плохо выполняетъ возложенныя на него обязанности, заявилъ о необходимости преобразованія земскихъ учрежденій. Преобразованіе это нужно, впрочемъ, назвать по своей

идеѣ и сущности уничтоженіемъ земства и замѣной его назначенными правительствомъ органами.

»Русское самодержавіе«, — писалъ Катковъ, — »не можетъ и не должно терпѣть никакой неподчиненной ему или не отъ него исходящей власти въ странѣ, никакого государства въ государствѣ.« Одинаково съ нимъ говорилъ и Д. Толстой: »Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. внесло въ наше законодательство два новыя начала: исключительно выборное, на безсословномъ представительствѣ основанное, устройство мѣстныхъ по хозяйственнымъ дѣламъ установленій и полную обособленность ихъ отъ правительственныхъ органовъ управленія«... Эти начала »не имѣютъ оправданій въ нашемъ историческомъ прошломъ.« Гр. Толстой отмѣчалъ, что въ земствѣ и администраціи »воспитывается тотъ духъ взаимнаго недовѣрія и противодѣйствія, который не допускаетъ возможности плодотворной совмѣстной дѣятельности администраціи и земства;« что »духъ« этотъ »сталъ обнаруживаться, съ первыхъ же лѣтъ по введеніи земства, почти повсемѣстно, систематической съ его стороны оппозиціей правительству.« Причину оппозиціи и конституціонализма земцевъ Толстой правильно видѣлъ не въ неблагонадежности отдѣльныхъ лицъ, а въ самой системѣ самоуправленія, противорѣчившей основному государственному принципу. А потому онъ предлагалъ совершенно уничтожить исполнительные земскіе органы (губернскія и уѣздныя управы) и замѣнить ихъ губернскими и уѣздными земскими присутствіями, подчиненными губернатору и пополняемыми по назначенію. Земскія собранія должны были стать совѣщательными учрежденіями, постановленія коихъ подлежали бы утвержденію губернатора или министра внутр. дѣлъ. Земскія собранія должны были пополняться на основѣ сословнаго представительства, имѣющаго притомъ характеръ повинности.

Смерть гр. Толстого не дала ему провести его проекты, и преобразованіе земства (1890) явилось компро-

миссомъ между положеніемъ 1864 г. и проектомъ Толстого.

Число гласныхъ губернскихъ земскихъ собраній по новому закону было сокращено съ 2274 до 1576, а уѣздныхъ — съ 13329 до 10229, или въ процентахъ: число первыхъ уменьшилось на 31,1%, а вторыхъ на 23,2%.

Введено представительство по сословіямъ, а именно — одно избирательное собраніе изъ дворянъ личныхъ и потомственныхъ, второе — изъ прочихъ избирателей, — кромѣ лицъ крестьянскаго сословія, — а также изъ юридическихъ лицъ.

Сельскіе избирательные съѣзды упразднены, избраніе гласныхъ отъ сельскихъ обществъ предоставлено волостнымъ сходамъ; избранные имъ кандидаты утверждаются губернаторомъ; усилено дворянское представительство, за счетъ другихъ сословій, особенно крестьянъ, которые потеряли 2190 мѣстъ (по новому положенію 4167 противъ прежнихъ 5357), или 40,9%. По прежнему положенію гласныхъ отъ сельскихъ обществъ было 48% общаго числа гласныхъ (5357 изъ 13329), а по новому они составляютъ лишь около 31% (3167 на 10229). Затѣмъ устранены отъ участія въ земствѣ лица, имѣющія купеческія свидѣтельства и владѣльцы торговыхъ и промышленныхъ заведеній, священно- и церковно-служители, и евреи. Въ составъ губернскихъ собраній введены всѣ уѣздные предводители дворянства, или предсѣдатели уѣздныхъ съѣздовъ, а въ уѣздныя собранія, городскіе головы уѣздныхъ городовъ.

Но мѣры эти не уничтожили земскаго конституціонализма. Это доказало земское движеніе 1894-5 года.

Прежде чѣмъ изложить этотъ эпизодъ, чѣмъ наша задача и будетъ исчерпана, упомянемъ о политическихъ программахъ среди передовой интеллигенціи, какъ онѣ намѣчались къ концу 1894 года. Къ 1890-му году борьбу власти съ крайнимъ направленіемъ, такъ

ярко окрасившимъ своей дѣятельностью періодъ 1879-81 г., можно было считать покончennой. Старое народничество не только на практикѣ, но и въ теоріи понесло рядъ ударовъ. Усиливалась группа, поставившая основаніемъ своей программы интересы рабочаго класса. Борьба между народниками и марксистами переходила въ литературу. Марксизмъ дѣлалъ въ средѣ интеллигенціи широкія (хотя не всегда удачныя и крѣпкія) завоеванія.

Голодъ 1891-го года показалъ мыслящей Россіи перспективы вымиранія невѣжественнаго и голоднаго крестьянства и создалъ цѣлое движеніе въ народъ. Результатомъ было сознаніе необходимости во что бы то ни стало направить всѣ усилія на устраненіе коренныхъ причинъ, создавшихъ безпомощность и вымираніе массъ. Произошли новыя группировки въ средѣ передовой интеллигенціи.

Одной изъ такихъ новыхъ группъ была образовавшаяся въ началѣ 90-хъ годовъ партія »Народнаго права«, которая задалась объединить крайніе и умѣренные элементы оппозиціи на почвѣ общей борьбы. Ею изданъ рядъ воззваній и брошюра »Насущный вопросъ«. Въ 1894 г. эта группа потерпѣла сильный уронъ. Цѣли свои опредѣляла она слѣдующимъ образомъ:

»Есть моменты въ жизни государствъ, когда одинъ вопросъ занимаетъ первенствующее мѣсто,... вопросъ, отъ рѣшенія котораго въ ту или другую сторону зависитъ будущность народа.« Такимъ вопросомъ для Россіи былъ, по мнѣнію партіи, вопросъ политической свободы. Указавъ на контръ-реформы, предпринятыя въ періодъ 1881-94 г., партія заявляла, что необходимъ »рѣшительный поворотъ въ направленіи интересовъ массъ, что возможно лишь при немедленномъ участіи страны въ управленіи, т. е. при замѣнѣ современнаго строя представительными учрежденіями.« Необходимо

было создать силу организованнаго общественнаго мнѣнія, что партія и ставила своей задачей.

»По мнѣнію партіи, народное право равно заключаетъ въ себѣ какъ понятіе о правѣ народа на политическую свободу, такъ и понятіе о его правѣ на удовлетвореніе его матеріальныхъ нуждъ на основаніи народнаго производства. Гарантіями этого права партія считаетъ представительное правленіе на основѣ всеобщей подачи голосовъ; свободу вѣроисповѣданія; независимость суда; свободу печати, сходокъ и обществъ; неприкосновенность личности и ея человѣческихъ правъ.

»Принимая во вниманіе, что Россія не есть однородное цѣлое, но весьма сложное политическое тѣло, признаніе права политическаго самоопредѣленія за всѣми національностями, входящими въ ея составъ, есть необходимое условіе политической свободы«...

Таковы были политическіе идеалы новой группы. Возможно, что именно изъ этой среды вышелъ проектъ конституціи подъ заглавіемъ »Основной государственный уставъ россійской имперіи,« обнародованный въ 1894 г.

Авторы этого проекта заявляли, что »въ нашемъ отечествѣ невозможна ни дворянская, ни буржуазная, ни клерикальная конституція, потому что средніе вѣка не оставили въ Россіи такихъ элементовъ, которыми на Западѣ могли держаться дворянскія и клерикальныя конституціи, а капитализмъ *еще не успѣлъ* закабалить народъ подъ владычество буржуазіи.«

»Интеллигенція, какъ безкорыстная служительница народа, должна выдвинуть проектъ конституціи, основанный не на классовыхъ вожделѣніяхъ, а на чистыхъ идеалахъ народнаго блага, на справедливомъ сочетаніи разнообразныхъ интересовъ, существующихъ въ государствѣ, и потребностей самаго государства, какъ цѣлаго.« Проектъ этотъ авторы его считали возможнымъ и осуществимымъ въ Россіи теперь же: »Она

(конституція) основана не на ломкѣ нашихъ государственныхъ учрежденій, а на ихъ укрѣпленіи и совершенствованіи; она не отрицаетъ, а воспринимаетъ тѣ основныя политическія понятія о Царѣ и Народѣ, которыя господствуютъ въ массахъ русскаго населенія; исходя изъ такихъ началъ, она гарантируетъ всѣ блага гражданской и политической свободы; она безусловно демократична; она даетъ громадный просторъ героическимъ усиліямъ личности, которая въ Россіи постоянно являлась и является двигателемъ прогресса, замѣняя работу чуждыхъ русской жизни корпорацій и ассоціацій; болѣе того, она ограждаетъ личность отъ произвольнаго насилія самихъ представительныхъ учрежденій, какого можно у насъ ожидать, судя по нравамъ существующихъ общественныхъ собраній. Твердыня, на которой зиждется наша конституція — это суды: судебная реформа 1864 г. доказала, что, при надлежащей постановкѣ, суды могутъ оградить отъ насилія и произвола права личности, гарантированныя конституціей и открывающія просторъ ея свободной дѣятельности.«

Изложимъ вкратцѣ основныя черты того проекта.

Верховная власть въ Россійской имперіи принадлежитъ императору и осуществляется имъ на точномъ основаніи постановленій Основного Государственнаго Устава, которыя могутъ быть измѣняемы имъ лишь съ согласія Земскаго Собора, представляющаго собою весь русскій народъ. Государственныя учрежденія Россійской имперіи, при помощи которыхъ осуществляется верховная власть императора — слѣдующія: а) Палата народныхъ представителей, б) Областные сеймы, в) Государственный совѣтъ, г) Совѣтъ министровъ, д) Правительствующій Сенатъ.

Каждому гражданину Россійской имперіи, достигшему совершеннолѣтія, безъ различія состоянія, пола, національности и вѣроисповѣданія, принадлежатъ слѣ-

дующія политическія права: право избранія мѣста жительства, занятій и образа жизни; право свободнаго переселенія въ предѣлахъ имперіи и заграницу, а равно перехода въ иностранное подданство; право свободно высказывать свои мнѣнія устно, письменно и печатно и всякимъ инымъ способомъ; право вступать въ соединенія съ другими лицами, какъ временныя, такъ и постоянныя, устраивать собранія, собесѣдованія и общества всякаго рода для достиженія совмѣстными усиліями общихъ цѣлей; право переходить изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, или не принадлежать ни къ одному изъ нихъ.

Земскій Соборъ созывается въ слѣдующихъ случаяхъ: когда въ законодательномъ порядкѣ будетъ признано необходимымъ ввести измѣненія или дополненія въ семъ Уставѣ, или упразднить существующій областной сеймъ; когда будетъ признано въ томъ же порядкѣ необходимымъ издать законъ, налагающій на гражданъ новыя повинности, обязанности, ограниченія и наказанія, дѣйствіе которыхъ полагается распространить на время, предшествующее изданію этого закона; когда императоръ не утвердитъ принятой палатой народныхъ представителей росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ; когда сенатъ признаетъ необходимымъ отмѣнить вошедшее въ законную силу судебное рѣшеніе и когда между государственными учрежденіями, или же между ними и императоромъ, возникнетъ разномысліе, не могущее быть разрѣшеннымъ на основаніи Устава.

Представители въ Соборъ избираются въ числѣ опредѣленномъ и въ порядкѣ, установленномъ для выборовъ въ областные сеймы. Участвовать въ голосованіи можетъ каждый гражданинъ, внесенный въ избирательные списки, независимо отъ мѣста его пребыванія во время выборовъ. Избраннымъ можетъ быть каждый, пользующійся избирательными правами, хотя бы онъ

уже состоялъ членомъ одного изъ государственныхъ учрежденій.

Палата народныхъ представителей составляется изъ выбранныхъ посредствомъ всеобщаго народнаго голосованія лицъ, по одному на 300.000 населенія. Срокъ полномочій — пятилѣтній. Палата можетъ быть распущена императоромъ, съ назначеніемъ новыхъ выборовъ не позже, какъ черезъ мѣсяцъ. Но вновь избранная палата, безъ согласія Земскаго Собора, не можетъ уже быть распущена.

Россійская Имперія дѣлится на области, въ каждой области учреждается сеймъ*), изъ выбранныхъ *постояннымъ* населеніемъ области, посредствомъ всеобщаго голосованія лицъ, по одному на 75.000 населенія. Срокъ полномочій — 3 года. На сеймѣ присутствуетъ членъ совѣта министровъ по уполномочію совѣта.

Способъ составленія государственнаго совѣта оставляется прежній. Совѣтъ министровъ составляется изъ лицъ, которымъ поручено императоромъ управленіе имперіей, а именно: императорскаго канцлера, министровъ съ портфелями и безъ нихъ, генералъ-губернаторовъ и статсъ-секретаря великаго княжества Финляндскаго. Отвѣтственными какъ за постановленія совѣта, такъ и за дѣйствія отдѣльныхъ его членовъ, являются всѣ члены совѣта солидарно.

Правительствующій сенатъ (изъ 3 департаментовъ: гражданскаго, уголовнаго и административнаго) составляется изъ сенаторовъ, назначаемыхъ императоромъ изъ лицъ судейскаго званія, представляемыхъ общимъ собраніемъ сената въ числѣ 3 кандидатовъ на каждую вакансію.

Выборы въ Земскій Соборъ, палату народныхъ представителей и областные сеймы производятся всеобщимъ и тайнымъ народнымъ голосованіемъ.

*) Въ царствѣ Польскомъ учреждается особый сеймъ на правахъ областного.

Уставы, учрежденія, положенія и другія постановленія, обязательныя для гражданъ, правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ и властей, и опредѣляющія ихъ взаимныя права и обязанности, не могутъ быть изданы иначе, какъ законодательной властью, въ нижеслѣдующемъ порядкѣ, и въ особо поименованныхъ случаяхъ — не иначе какъ съ согласія Земскаго Собора. Каждый гражданинъ, какъ самолично, такъ и въ союзѣ съ другими, имѣетъ право предлагать палатѣ народныхъ представителей и сеймамъ проекты законовъ, а также представлять опроверженія противъ законопроектовъ, разсматриваемыхъ названными собраніями.

Право иниціативы (законодательнаго почина) должно было принадлежать, кромѣ членовъ палаты, совѣту министровъ, правительствующему сенату и областнымъ сеймамъ, а равно и частнымъ лицамъ. Принятый законопроектъ долженъ былъ сообщаться на разсмотрѣніе государственному совѣту, а по вопросамъ судоустройства и судопроизводства сенату (общему его собранію). Въ случаѣ согласія съ законопроектомъ государственный совѣтъ или сенатъ представляютъ его на утвержденіе императора, а въ случаяхъ *несогласія* съ проектомъ, въ цѣломъ или въ частяхъ, сообщаютъ объ этомъ собранію, принявшему проектъ.

Замѣчанія, сдѣланныя государственнымъ совѣтомъ и сенатомъ, заслушиваются представительнымъ собраніемъ и если имъ принимаются, то включаются въ законопроектъ, который вновь сообщается государственному совѣту или сенату, по принадлежности, и послѣдними представляется на утвержденіе императора, вмѣстѣ съ своимъ мнѣніемъ.

Императору принадлежитъ право утвердить или отклонить представленный ему законопроектъ не иначе, какъ въ цѣломъ составѣ... Законопроектъ, принятый подрядъ тремя сессіями палаты народныхъ представи-

телей, или тремя послѣдовательно избранными областными сеймами, безъ измѣненія редакціи, долженъ быть либо утвержденъ императоромъ, либо переданъ на обсужденіе Земскаго Собора.

Земскій же Соборъ разсматриваетъ и окончательно утверждаетъ государственную роспись, на которую императоръ не далъ согласія.

Утвержденный императоромъ законъ препровождается правительствующему сенату для обнародованія во всеобщее свѣдѣніе. Если сенатъ встрѣтитъ сомнѣніе въ согласіи закона съ правилами Устава и если найдетъ, что законъ изданъ безъ соблюденія установленнаго порядка, то представляетъ объ этомъ императору, который отмѣняетъ данное утвержденіе, либо передаетъ дѣло на разрѣшеніе Земскаго Собора.

Проектъ этотъ не заслуживалъ бы подробнаго изложенія, если бы не представлялъ собою оригинальной попытки примирить земскую программу областного устройства Россіи съ существующими бюрократическими учрежденіями. Для обузданія властныхъ стремленій всенароднаго представительнаго собранія, авторы проекта нагромоздили Пеліонъ на Оссу, поставивши рѣшенія собранія въ зависимость отъ государственнаго совѣта (изъ представителей высшей бюрократіи), отъ сената, отъ троекратнаго »veto« монарха, опять отъ сената (какъ блюстителя конституціонныхъ законовъ) и наконецъ отъ Земскаго Собора.

Подобная конституція была бы сложна, неуклюжа, малоподвижна и едва ли бы могла обезпечить народовластіе. Зато авторы могли бы утѣшать себя тѣмъ, что всѣ бюрократическія учрежденія ими сохранены.

Кончина имп. Александра III и восшествіе на престолъ имп. Николая II подали земствамъ поводъ снова выступить съ конституціонными ходатайствами. Правда, въ адресахъ этого періода не были столь точно выражены пожеланія о созывѣ народнаго представительства,

какъ это было въ началѣ 80-хъ годовъ. Напротивъ, тонъ адресовъ былъ еще болѣе робкій и неясный.

Всего девять земствъ (Тверское, Тульское, Уфимское, Полтавское, Саратовское, Тамбовское, Курское, Орловское и Черниговское) въ той или иной формѣ указали на невыносимость современнаго положенія и просили о допущеніи представителей земствъ къ законодательной работѣ. За подачу подобныхъ же адресовъ высказалось большинство собраній земствъ Псковскаго, Новгородскаго и Смоленскаго, которыя отказались отъ составившихся уже постановленій только послѣ того, какъ выяснилось, что адресы, поданные другими земствами, приняты весьма неблагосклонно, что адресъ Тверского земства даже не принятъ государемъ и что на докладѣ о немъ министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовала Высочайшая резолюція:

»Я чрезвычайно удивленъ и недоволенъ этой неумѣстной выходкой 35 гласныхъ губернскаго земскаго собранія.«

Адресъ тверского земства, вызвавшій неудовольствіе государя, выражалъ надежду, что, »съ высоты престола всегда будетъ услышанъ голосъ нужды народной.« — »Мы уповаемъ,« — говорилъ адресъ, — »что счастіе наше будетъ расти и крѣпнуть при неуклонномъ исполненіи закона, какъ со стороны народа, такъ и со стороны представителей власти, — ибо законъ, представляющій въ Россіи выраженіе Монаршей воли, долженъ стать выше случайныхъ видовъ отдѣльныхъ представителей этой власти. Мы горячо вѣруемъ, что права отдѣльныхъ лицъ и права общественныхъ учрежденій будутъ незыблемо охраняться.

»Мы ждемъ, государь, возможности и права для общественныхъ учрежденій выражать свое мнѣніе по вопросамъ, ихъ касающимся, дабы до высоты престола могло достигать выраженіе потребностей и мысли не только администраціи но и народа русскаго.« Адресъ

заканчивался словами: »Мы вѣримъ, что въ общеніи съ представителями всѣхъ сословій русскаго народа, равно преданныхъ престолу и отечеству, власть Вашего Величества найдетъ новый источникъ силы и залогъ успѣха въ исполненіи великодушныхъ предначертаній Вашего Императорскаго Величества.«

Итакъ, тверское земство желало лишь единенія царя съ народомъ, предоставленія общественнымъ учрежденіямъ права доводить выраженіе своей мысли до высоты престола, твердаго господства законности и уваженія къ правамъ каждаго лица и учрежденія. Но выраженное въ ясной и недвусмысленной формѣ пожеланіе это своимъ полнымъ достоинства тономъ выдѣлялось изъ ряда предшествовавшихъ заявленій подобострастнаго характера. Оно отнюдь не посягало ни явно, ни тайно на самодержавныя права монарха. Но оно было всецѣло направлено противъ всевластія бюрократіи, и это было причиной того, что бюрократія приложила всѣ старанія, чтобы истолковать тверской адресъ, какъ дерзостное политическое притязаніе, и, пользуясь этимъ, удержать въ своихъ рукахъ всю полноту захваченной ею власти. Мы не хотимъ, конечно, сказать, что адресы земствъ 1894—5 г. не были конституціонными по существу, но намъ хочется подчеркнуть, что самый конституціонализмъ земцевъ (въ массѣ) былъ плодомъ не притязанія на власть, но сознанія необходимости ослабить гнетъ административной опеки и оградить общество отъ случайныхъ и произвольныхъ дѣйствій крупныхъ и мелкихъ чиновныхъ лицъ.

Приблизительно тѣ же мысли, что и въ тверскомъ адресѣ, были высказаны въ адресахъ другихъ земствъ. Въ адресѣ тульскомъ говорится: »связанные съ лицомъ народа, сознавая себя живою частью великаго единаго цѣлаго и призванные къ мѣстной общественной дѣятельности, мы, люди земскіе, глубоко вѣримъ, что мѣстныя потребности могутъ быть удовлетворены лишь

при посредствѣ мѣстныхъ людей, и просимъ довѣрія своего Царя, которое необходимо для плодотворнаго служенія родинѣ, *просимъ открытаго доступа голоса земства къ престолу* (курсивъ подлинника). Мы вѣримъ, что только освященное живымъ общеніемъ Царя совокупное единство работы возбудитъ новыя живыя силы.«

Чрезвычайно обстоятельный адресъ курскаго земства также усиленно останавливается на мысли о необходимости единенія между царемъ и земствомъ, которое должно явиться представителемъ всѣхъ сословій страны; въ томъ единеніи всѣхъ сословій, о которомъ говоритъ царь въ своемъ манифестѣ, земство, призванное къ жизни державною волею дѣда молодого императора и въ основахъ своихъ всесословное, видитъ залогъ успѣха своей дѣятельности: земство »твердо уповаетъ, что его дѣятельность, подъ охраною впредь довѣрія Вашего Императорскаго Величества, достигнетъ благопріятныхъ условій для своего развитія, укрѣпится и усилится для пользы населенія.«

И въ связи съ такого рода ростомъ земства является вопросъ о предоставленіи ему непосредственнаго доступа къ царю: »земство увѣрено«, — говорится далѣе въ адресѣ, — »что Ваше Императорское Величество всегда съ милостивымъ вниманіемъ отнесетесь къ голосу земства и не откажете въ открытомъ доступѣ къ Вашему престолу ему, какъ выразителю *мѣстныхъ и областныхъ нуждъ и общихъ интересовъ*«. Далѣе перечисляются тѣ вопросы, разработка которыхъ должна составить содержаніе дальнѣйшаго развитія страны; при этомъ условіями ея благополучія выставляются: просвѣщеніе, гласность и единеніе власти со всѣми сословіями. Наиважнѣйшей задачей земства ставится утвержденіе всеобщей грамотности (тоже и въ Орловскомъ адресѣ); наконецъ, указывается на необходимость разрѣшенія коренныхъ вопросовъ земледѣ-

лія и землевладѣнія — черезъ удовлетвореніе многочисленныхъ нуждъ народа.

Всѣ эти земскія заявленія были приняты съ крайнимъ неудовольствіемъ въ тѣхъ реакціонно-бюрократическихъ сферахъ, которыя сыграли наиболѣе видную роль при рѣшеніи вопроса о народномъ представительствѣ въ 1881 году по вступленіи на престолъ имп. Александра III. Эти сферы продолжали имѣть прежнее вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ и въ данный историческій моментъ. Это выразилось и въ манифестѣ 20-го октября 1894 г., въ которомъ говорилось о »завѣтахъ усопшаго Родителя« вступившаго на престолъ императора, это выразилось и въ отвѣтѣ депутаціямъ земствъ, дворянства, городовъ и казачьихъ войскъ 17-го января 1895 г. Въ этотъ день имп. Николай II, отвѣчая на принесенныя поздравленія, прочелъ рѣчь слѣдующаго содержанія. Послѣ выраженія увѣренности въ искренности заявленныхъ вѣрноподданническихъ чувствъ, государь сказалъ: »Мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія; пусть всѣ знаютъ, что я, посвящая всѣ свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его Мой незабвенный покойный Родитель.«

Это былъ категорическій, ясный и точный отвѣтъ на всѣ заявленія о необходимости измѣненія государственнаго строя. Политическій строй объявлялся незыблемымъ и впредь, и это рѣшеніе властно предопредѣляло всю дальнѣйшую государственную политику. Это было немедленно понято и учтено передовой интеллигенціей. Вопросъ о государственномъ переустройствѣ былъ рѣшенъ окончательно и безпо-

воротно, насколько исторія вообще допускаетъ *безповоротныя* рѣшенія. Этимъ моментомъ мы закончимъ изложеніе развитія конституціонныхъ идей въ русскихъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ политическихъ программахъ. 17-ое января 1895 г. открываетъ собою тотъ періодъ русской исторіи, который еще слишкомъ близокъ къ намъ для безпристрастной исторической оцѣнки, и къ тому же еще далеко не законченъ.

Раньше вышли:

69. С. Сватиковъ, Конституціонное движеніе при Александрѣ II. . . . . 12 к.

---

53. В. Мякотинъ, На зарѣ русской общественности 10 к.
56. В. Якушкинъ, Сперанскій и Аракчеевъ . . 8 к.
67. А. Зиновьевъ, Изъ исторіи развитія русскаго государства. . . . . 3 к.
45. С. Ефремовъ, Изъ общественной жизни на Украинѣ . . . . . 8 к.

---

15. М. Горькій, Пѣсня о Соколѣ — Пѣсня о Буревѣстникѣ . . . . . 3 к.
59. Ѳ. Сологубъ, Политическія сказочки . . . 6 к.

Послѣдніе выпуски:

81. В. Ключевскій, Характеристика царя Ивана Грознаго . . . . . 3 к.
82. Ф. Достоевскій, Скверный анекдотъ . . . 10 к.
83. Ф. Артемьевъ, Попеченіе о бѣдныхъ въ Германіи . . . . . 8 к.
84. М. Винниченко, Борьба . . . . . 10 к.
85. С. Ра—вичъ, Изъ наблюденій городского попечителя . . . . . 6 к.
86. П. Мельниковъ, Красильниковы — Дѣдушка Поликарпъ . . . . . 6 к.
87. С. Елпатьевскій, О томъ, что будетъ... — Ничего не подѣлаешь. . . . . 8 к.
88. Л. Андреевъ, Жили-были — Большой шлемъ — Кусака . . . . . 8 к.
89. С. Сватиковъ, Изъ эпохи реакціи (1880—1895) 10 к.
90. А. Чеховъ, Въ оврагѣ . . . . . 8 к.

Тип. „Родная Рѣчь“ МОСКВА, Криво-Арбатскій пер., 3.

47. В. Силинъ, Внѣшкольное образованіе въ Германіи . . 8 к.
48. И. Бѣлоконскій, За что и почему? — Фейга . . . . 8 к.
49. Двѣнадцатый годъ. По разсказамъ современниковъ . . . . 8 к.
50. Л. Толстой, Хозяинъ и работникъ . . . . . 8 к.
51. М. Моравскій, Въ иностранномъ легіонѣ . . . . . 8 к.
52. Ф. Шиллеръ, Избранныя баллады. Въ переводѣ В. А. Жуковскаго . . . . . 8 к.
53. В. Мякотинъ, На зарѣ русской общественности . . . 10 к.
54. Л. Андреевъ, Петька на дачѣ — Валя — Баргамотъ и Гараська . . . . . 6 к.
55. К. Баранцевичъ, Посконная жизнь . . . . . 8 к.
56. В. Якушкинъ, Сперанскій и Аракчеевъ . . . . . 8 к.
57. Діонео, Безъ работы . . . . . 6 к.
58. Е. Звягинцевъ, Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XIX вѣка . . . . . 8 к.
59. Ѳ. Сологубъ, Политическія сказочки . . . . . 6 к.
60. Л. Толстой, Народныя легенды . . . . . 8 к.
61. К. Петровъ, Ирландія . . . . . 8 к.
62. А. Чеховъ, Мужики . . . . . 6 к.
63. Изъ нѣмецкихъ поэтовъ. Переводы В. А. Жуковскаго, М. Ю. Лермонтова, гр. А. К. Толстого . . . . . 8 к.
64. П. Р—ъ, Изъ дневника человѣка безъ паспорта . . . 8 к.
65. В. Короленко. Морозъ — Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ . . . . . 6 к.
66. Ф. Артемьевъ, Страхованіе рабочихъ въ Германіи 6 к.
67. Г. Зиновьевъ, Изъ исторіи развитія русскаго государства . . . . . 3 к.
68. С. Аникинъ, Шпикъ. — А. Гринъ, Ночь. 8 к.
69. С. Сватиковъ, Конституціонное движеніе при Александрѣ II . . . . . 12 к.
70. Н. Некрасовъ, Избранныя стихотворенія . . . . . 10 к.
71. В. Ключевскій, Добрые люди древней Руси . . . . 3 к.
72. Н. Лѣсковъ, Лѣвша . . . . . 6 к.
73. Н. Сухановъ, Происхожденіе міровой войны . . . 12 к.
74. В. Калининъ, Балканская Голгоѳа. . . . . 6 к.
75. А. Чеховъ, Человѣкъ въ футлярѣ — Новая дача — Тоска — Ванька — Спать хочется. . . . . 8 к.
76. К. Петровъ, Война и культура. . . . . 8 к.
77. И. Тургеневъ, Хорь и Калинычъ — Ермолай и мельничиха — Льговъ . . . . . 6 к.
78. М. Горькій, Въ степи — Дружки . . . . . 6 к.
79. М. Салтыковъ, Миша и Ваня — Развеселое житье . . 8 к.
80. На общественныя темы. Сборникъ стихотвореній 12 к.

Тип. „Родная Рѣчь", МОСКВА, Криво-Арбатскій пер., 3.